

Юлия Витальевна Шилова

Дитя порока, или Я буду мстить

текст получен от правообладателя
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159631

Аннотация

Евгения наделена всем, что может сделать женщину счастливой: молодостью, умом, талантом, красотой, да к тому же и в деньгах не нуждается. Казалось бы, чего еще можно желать? Однако красивая сказочная жизнь для девушки превратилась в страшную реальность. Семья оборачивается для нее тюрьмой, любовь – предательством, а человеческое достоинство ее растоптано...

И тогда Женя бросает вызов всем, кто хочет помешать ее женскому счастью. У нее на вооружении приемы врагов – обман, шантаж, насилие, убийство. В результате головокружительных поворотов событий – бесконечное число жертв. Кто-то уцелеет... Но кто?

Содержание

ПИСЬМО-ИСПОВЕДЬ	4
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	35
ГЛАВА 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юлия Шилова

Дитя порока, или Я буду мстить

Я думала не о несчастьях, а о той красоте, которая остается навеки. Ведь это так прекрасно, что можно не ждать ни секунды, когда решишь сделать мир лучше. Поистине чудесно, что я не утратила всех своих идеалов, ведь они казались такими нелепыми, такими невозможными. Все же я сохранила их, потому что вопреки всему я продолжала верить в то, что люди обладают по-настоящему добрыми сердцами. Я просто не могла строить свои надежды на беспорядке, несчастьях и смерти. Я видела, как мир постепенно превращается в пустыню. Я слышала, как повсюду гремит гром, как он все приближается и приближается, грозя уничтожить нас всех. Я чувствовала страдания миллионов людей и все же смотрела в небеса и думала, что все будет хорошо, что жестокости придет конец и что к нам вернется мир и спокойствие.

Анна ФРАНК (1929—1945)

ПИСЬМО-ИСПОВЕДЬ

Дорогие, любимые и уже ставшие за годы нашего тесного общения по-настоящему близкими и родными людьми, мои бесценные читатели, мне хочется рассказать вам о том, что нового происходит в моей творческой жизни, каковы мои планы, успехи и поражения. Хотя о поражениях говорить не стоит, потому что я не люблю думать о плохом и привыкла притягивать к себе все хорошее. Самая большая ценность успеха – это умение прятать свой неуспех. С самого раннего детства моя мама учила меня не расстраиваться по пустякам и, даже если я проигрывала по-крупному, не хвататься за голову и не думать о том, что жизнь кончена. Увидев на моих глазах слезы, она всегда прижимала меня к себе и ласково говорила:

– Разве можно тратить свои эмоции попусту?! В твоей жизни еще столько всего будет. Никто не умер, а это значит – все хорошо. Все близкие живы. Дай бог им здоровья. Пусть все будут живы и никогда не будет войны.

В те годы я не могла с ней согласиться, потому что мои неудачи и юношеские стрессы казались мне безумно глобальными и почти неразрешимыми. Понимание маминых слов пришло ко мне только с возрастом. В жизни каждого человека вполне хватает поводов для расстройства, но все эти неудачи не стоят того, чтобы травмировать свою психику и жить с камнем на сердце. Я поняла, что на свете есть только два повода для настоящего горя – это смерть и война. Этому же я учу своих дочерей. Не стоит растрачивать свои бесценные эмоции на какой-либо негатив, самое главное, чтобы все мы были живы и здоровы, а за окном светило яркое солнышко. А полученная в школе двойка или небольшая ссора с подругой – это такие пустяки, которые не стоят слез и сумасшедших переживаний. Это только кажется, что наша жизнь длинная, а ведь она намного короче, чем можно себе представить. Самое главное, чтобы мои девочки росли красивыми и счастливыми, а моя милая мамочка, перенесшая тяжелейший инсульт, жила как можно дольше, чувствовала себя как можно лучше и была всегда такой же красивой, мудрой и жизнерадостной.

Какие бы казусы и неприятности со мной ни случались, я всегда вспоминаю надпись на кольце Соломона: «И это пройдет». Конечно, пройдет, а по-другому просто не может быть. Самое главное – это уверенность в глазах, любовь к жизни и жадность к своему творчеству. Я действительно жадная до своего творчества. Если кто предлагает подкинуть мне какой-либо сюжет, то я аккуратно и крайне деликатно для того, чтобы не обидеть человека, пытаюсь объяснить ему, что в моей голове такое бесчисленное количество сюжетов, что у меня только бы хватило времени и сил для того, чтобы их разместить на страницах своих новых книг. Я жадная до творчества, потому что оно мое, СУГУБО ЛИЧНОЕ. Тут мои мысли, мои переживания, моя душевная боль и моя обнаженная искренность. Я влюбляюсь вместе со своей героиней, затем расстаюсь, понимая, что мой книжный герой, увы, не оправдал моих надежд, потом вместе с ней путаюсь в жизненных лабиринтах в поисках счастья. При этом мне, как и ей, не хочется вставать за счастьем в общую очередь, потому что мы с ней вообще не любим стоять в очередях, для нас это чересчур утомительно, мы пытаемся получить свою порцию счастья без очереди и за это получаем кучу самых нелестных высказываний в свой адрес от тех, кто уже просто устал стоять.

Я люблю своих книжных героинь, потому что они безумно рискованные, сильные, эмоциональные и ненасытные. Они не стесняются любить, ищут хороших мужчин и не претендуют на рай в шалаше, потому что все они хотят от жизни намного большего, чем она может им предложить. Им, как и мне, нравятся слова бесподобной и великой Фаины Раневской: «Жить нужно так, чтобы тебя помнили и сволочи».

Возможно, многие мои героини уж чересчур авантюرنы, резки и амбициозны, но ведь они живут в мире мужчин, а в мире мужчин не так просто выжить. Они смотрят на мужчин как на партнеров по добыванию денег, и мужчины, за глаза называющие такую женщину стервой, понимают, что это всего лишь маска, а на самом деле за этой маской прячется очень ранимая и милая женщина, которой не нужно жалкое пожизненное и безрадостное существование. Она умеет вовремя изменить себя и ту ситуацию, которая часто складывается вокруг нее.

Моя творческая жизнь течет в том же ритме, который я взяла несколько лет назад, как только мы увиделись с вами в момент нашего знакомства. Вы приглядывались ко мне, я к вам, и в результате мы смогли ощутить обоюдную и страстную любовь друг к другу.

Я люблю читать ваши письма, ваши дорогие сердцу слова, вселяющие в меня надежду на лучшее. Для меня дорого каждое ваше письмо, каждое ваше слово, независимо от того, о чем вы мне пишете, о своих бедах, падениях, взлетах или просто о том, как прошел ваш день. Для некоторых моих читательниц писать мне ежедневные письма стало настоящей потребностью, и они зачем-то всегда извиняются, коря себя за то, что занимают у меня мое время. «Юленька, я, наверно, вам уже надоела, но я не могу не написать вам о том, что сегодня со мной произошло. Вы знаете, я сегодня опять его встретила, и он даже со мной заговорил...» Вы ни в коем случае мне не надоедаете, вы делаете меня нужной, и я очень дорожу тем, кто доверяет мне свое самое сокровенное. Вместе с вами я радуюсь тому, что наконец-то ОН ЗАГОВОРИЛ, и надеюсь, что он не только заговорит, но и сделает еще более решительный шаг в вашу сторону, а не сделает, так заставим. Мы просто соберем всю свою женскую хитрость и укажем ему нужное направление. Он не только будет шагать, но и научится бегать. При этом он будет думать, что он побежал самостоятельно. Он и представить себе не может, что мы дали ему хороший толчок и напрочь вбили в его голову мысль: «Я и есть та женщина, которая тебе нужна. Судьба дала тебе шанс встретиться с такой женщиной, так не будь идиотом, хватай жар-птицу за хвост, а то улетит и сильно обожжет тебе руки». Мы из тех, кто не бегают по гадалкам и не тратит свои кровно заработанные деньги на различные привороты. Мы из тех, кто может добиться поставленной цели самостоятельно, несмотря на то что поставленной целью может быть понравившийся нам мужчина.

Я благодарна вам за ваши письма, ваши звонки и за то, что вы всегда присутствуете в моей жизни. Ради вас я живу, дышу и творю.

Как вы уже заметили, мои новые книги начали выходить немного в другом оформлении. На них появилась более красивая и реальная фотография, прекрасный слоган. Впереди будет еще много коренных изменений. А теперь мне хочется поделиться с вами тем, что же произошло в моей творческой жизни. Дело в том, что однажды судьба совершенно случайно свела меня с одним замечательным человеком, Игорем Анатольевичем Лазаревым, который с самого первого взгляда смог разглядеть мои цели, желания и надежды. Между нами возникло редкое взаимопонимание, и, несмотря на то что жизнь научила меня быть предельно осторожной при общении с людьми, я сразу ощутила в нем плечо нового друга и человека, с которым мы настроены на одну волну. Благодаря этому человеку я смогла собраться с духом и круто изменить свою жизнь, перейдя работать в новое издательство, поставив на карту все, чего добивалась долгие годы. Переход на новое место – это всегда сложно. Особенно для женщины. Мне было безумно жалко терять те отношения с людьми, которые выстраивались несколько лет, но я опять же вспоминала кольцо Соломона и говорила: «И это пройдет». Я всегда буду благодарна своим бывшим издателям за то участие, которое они приняли в моей творческой судьбе, но я должна двигаться дальше. Жизнь никогда не стоит на месте и преподносит нам свои самые непредсказуемые сюрпризы. В этой жизни постоянно все течет и меняется, я перешла в новое издательство и забрала с собой только одну свою голову. Это был сложный период. Мне было безумно страшно делать шаг в неизвестность, и я благодарна господу богу и Игорю Анатольевичу Лазареву за то, что я этот шаг сделала. Дай бог ему счастливой жизни, любви, удачи и исполнения всех его желаний. Огромное спасибо ему за то, что, когда мне было по-настоящему тяжело, он мог всегда меня приободрить, поддержать и убедить меня в том, что я сильная и никогда не сломаюсь.

Вот уже год, как я сотрудничаю с издательством «ЭКМО», где работает настоящая команда профессионалов, и это издательство стало для меня вторым родным домом. А я и подумать не могла, что у человека может быть второй дом... Увы, но у меня никогда его не было. Мне хочется поблагодарить тех людей, которые гостеприимно распахнули для меня двери своего дома и оказали мне свое неоценимое доверие.

Андрей Гредасов, Олег Новиков, Игорь Лазарев и очаровательная Светлана Полякова, мне хочется выразить вам свою сердечную признательность за все, что вы для меня делаете и будете делать. Я благодарна вам за то, что вы наглядно показали мне то, что самое главное в жизни людей – это взаимопонимание.

Мой дорогой и сердечный Друг, мой читатель, если ты взял в руки мою книгу, значит, тебе небезразлично мое творчество. Эта книга была написана несколько лет назад, в один из нелегких периодов моей жизни. Наверно, поэтому она так трагична. Но тем не менее я ее очень люблю, потому что я наделила ее своей душой и своими эмоциями. Теперь у нее двойное название – «Дитя порока, или Я буду мстить». Прошло несколько лет, и я взяла в руки эту книгу опять. Я поняла, что я стала взрослее, мудрее. Во мне открылось множество новых граней характера, о которых я просто не знала ранее. Я стала более терпимой, сдержанной, спокойной и умеющей сострадать. Все это опять же пришло ко мне с возрастом. Мне захотелось написать к этой книге пролог и создать ей новую редакцию. Она стала обновленной, более трогательной и похорошевшей. Это не та книга «Я буду мстить». Это ее обновленная версия. Я думаю, что она должна занять достойное место на вашей книжной полке. Возможно, эта книга поможет вам избежать каких-то ошибок, выиграть время и многое переосмыслить. Судьба Жени трагична, но она достойна пера. Ее судьба – это доказательство того, что любые данные нам свыше привилегии не гарантируют от превратностей судьбы. Я прожила вместе с ней ее жизнь еще раз. Меня всегда манят женские судьбы, которые выходят за рамки обыденного.

Издательство «Эксмо» дало мне уникальную возможность обновлять мои книги, написанные несколько лет назад, дополнять их новыми сюжетами и убирать из них то, что уже потеряло свою актуальность. Оно дало мне возможность нашего с вами полноценного общения. Теперь я могу отвечать на ваши вопросы в конце своих книг. Но это не значит, что теперь у меня не останется времени на новые книги. Пока я буду чувствовать то, что я вам нужна, я буду радовать вас своими новыми книгами в том же темпе, который взяла уже несколько лет назад. Каждую свою новую книгу я пишу ровно два месяца. Так что вы зря забеспокоились. Темп выхода моих новых книг ни в коем случае не поменяется, и плюс к этому я буду обновлять уже написанные книги, которые теперь будут читаться намного интереснее, чем тогда, когда они были написаны, несколько лет назад. Так что теперь у нас с вами двойная радость, мы сможем общаться еще чаще и еще продуктивнее.

Итак, я приглашаю вас в мир еще одной женской судьбы, в мир женщины, для которой любовь превратилась в войну. Я выношу на ваш суд свою обновленную книгу «Дитя порока, или Я буду мстить». Это моя первая обновленная книга, и я предлагаю вам вместе со мной пережить все события книги заново. Я надеюсь на вашу поддержку и понимание. Мне сейчас это очень необходимо. Я хочу, чтобы мои книги не умирали, чтобы они стояли на ваших полках наравне с новыми, чтобы я знала, что ВАМ ЭТО НУЖНО и что книга в новом издании представляет не меньшую ценность, чем та, которая только что вышла из-под моего пера.

Пожалуйста, поддержите меня и подарите этой книге долгую жизнь.

Любящий вас автор
ЮЛИЯ ШИЛОВА

ПРОЛОГ

Я всегда хотела изменить этот мир, но понимала, что один человек бессилен это сделать. И все же, когда я была ребенком, мне почему-то казалось, что мир для меня слишком тесен. Мне в нем неуютно. Мне намного уютнее в стенах моего дома, потому что именно эти стены и были для меня целым миром, раздвинуть пределы которого мне было по-настоящему страшно. Этот мир научил меня ничего не бояться, рисковать, повиноваться инстинктам и даже мечтам. А ведь когда-то я жила в состоянии вечного страха и жуткой беспомощности. Я стала более сильной с того самого момента, как я узнала, что на этом свете бывает любовь. Именно любовь дала мне какую-то непонятную и пугающую свободу. Признаться честно, но я совершенно не понимала, что же мне с ней делать. Любовь ведет нас к безумию. Я смогла проститься со своим прошлым, полюбить дневной свет и начать жить новою жизнью, хотя на ней всегда оставалась тень старой. Я вдруг смогла полюбить жизнь и мечтала заново прожить те годы, которые у меня отняли. Я пыталась поставить заслон между прошлым и будущим, и у меня почти получилось. Почти.

Я до сих пор пытаюсь понять, какой жизнью живут совершенно обычные женщины. Они ходят на работу, смотрят телевизор, моют посуду и делают каждый день одни и те же обязанности весь свой земной срок. Я боюсь этой обыденности и стараюсь не иметь или хотя бы разнообразить то, что мы называем обязанностями. Мне страшно думать о том, что после того, как я помою посуду, я должна готовиться ко сну. Я привыкла быть одинокой и независимой. Я наслаждаюсь этим.

По ночам я часто представляю своих настоящих родителей. Однажды ночью я видела свою маму. Она была одета в легкое лиловое платье и точно такую же легкую шляпку. Она была очень красивой, яркой и даже какой-то необыкновенной. Она тянула ко мне свои руки и постоянно просила прощение за то, что она так и не успела меня вырастить и быть со мной в этой чертовски нелегкой и сложной жизни рядом. Когда я закрывала глаза, я видела, как по ночной и пустынной дороге несется одинокая машина, в которой сидят мои родители. Они едут домой. Они не просто едут домой, они спешат, и оба нервно смотрят на часы. Они громко ругаются, стараясь что-то друг другу доказать, и о чем-то спорят. А я... Я вижу себя на руках у няни, которая пытается тщетно меня успокоить, но я громко плачу и выкидываю свою соску. Затем мама дает отцу сильную пощечину и громко кричит, что она больше не хочет с ним жить. Отец растерялся, потерял управление, и наша машина врежется в дерево. Грохот, непонятные крики и темнота... Мама, папа и няня... Никто не шевелится. Все без движения. Это была страшная смерть, кровь... Много крови и отчаянный детский плач.

Иногда я просыпалась в холодном поту, вздрагивала и думала о том человеке, который меня удочерил. Я никогда его не любила и, как только мы стали жить под одной крышей, почувствовала к нему стойкую и нарастающую каждый день антипатию. Наверно, новый родитель был бы желанен для любого ребенка, потерявшего своих близких, но только не для меня. Это удочерение казалось мне слишком большой ошибкой и жуткой несправедливостью. И все же судьбу не изменишь. Так сложились обстоятельства, а против них не пойдешь.

По вечерам я смотрела на зажженный камин и думала, как долго я жила без страстей. Сколько лет я жила изгоем и не знала, что же такое страсть. Я спрашивала о ней у своего сводного брата Роберта, а он смотрел на меня словно загипнотизированный и рассуждал о любви. Он говорил, что любви не бывает без страсти, что два этих чувства, ощущения должны сплестись воедино. Я всегда смотрела на него как на противника, а он... Он смотрел на меня напряженными глазами, в которых читались страх и любовь. Он всегда мертвенно бледнел и тяжело дышал, когда смотрел в мою сторону.

- Роберт, что такое любовь? – однажды поинтересовалась я у него.
- Любовь – это...
- Ну, что это?
- Это слияние душ, – немного растерянно ответил он и вновь побледнел.
- А разве души могут сливаться?
- Могут. И не только души. Бывает еще и слияние сердец.

Я смотрела на еще больше разволновавшегося Роберта и чувствовала в себе какую-то необъяснимую потребность причинять ему боль. Я не могла отдать ему ни свое сердце, ни свою душу. Я вообще ничего не могла ему дать. И это несмотря на то, что он выглядел как герой романа: красивый, интересный, загадочный. Герой романа, но не моего... Про таких говорят, что у них так много женщин, как вещей в ящике. И все же, когда он видел меня, его глаза блестели как-то по-особенному, совсем не так, как в те минуты, когда он смотрел на других женщин. Со мной он был полностью обезоружен. Ему никогда не добраться до тайн моей души, потому что в моей душе слишком много черных пятен, которые зачастую непонятны и мне самой. И всякий раз, глядя ему в глаза, я думала о том, что Я БУДУ МСТИТЬ. Мстить за такую страшную жизнь, за свои слезы, страхи, бессонные ночи, сознательное затворничество и за то, что мое сердце никогда не сможет полностью открыться для истинных чувств и вряд ли кто-то сможет протоптать к нему ровную дорожку. На ней постоянно будут бугры и извилины.

Роберт словно прочитал мои мысли и взял мою руку в свою. Затем поднял ее выше и поднес к своим горячим губам.

– Женя, я сделаю все возможное и позабочусь о том, чтобы больше никто и никогда не причинил тебе боль.

Я вздрогнула и ощутила себя маленькой девочкой, в сердце которой еще живет добро и которая так нуждается в заботе, понимании и ласке.

– Все худшее позади, – сказал он уже более уверенным голосом и поцеловал мою руку.

– Где ты был раньше, Роберт? Где ты был???

– Я всегда о тебе думал, потому что очень сильно тебя любил.

– Ты и вправду меня любил все эти годы? – я посмотрела на Роберта глазами, полными слез.

– И продолжаю любить.

Мне стоило больших усилий сдержать свои слезы, улыбнуться и подумать о том, что еще не время... Еще не время для того, чтобы сжигать все мосты.

ГЛАВА 1

Я дала себе слово никогда не вспоминать ту кошмарную ночь, потому что было очень страшно. Так страшно, что от зловещих воспоминаний у меня начинается самая настоящая истерика...

Зазвонил телефон. Говорить ни с кем не хотелось. В конце концов я не выдержала и сняла трубку.

– Слушаю, – сухо сказала я.

– Женья, здравствуй. Это Роберт. Прими мои соболезнования по случаю смерти отца, – звонил мой сводный брат.

– Принимаю, – я глубоко вдохнула.

– Извини, что не успел на похороны. Меня не отпустили с работы. Ты же знаешь, как я сильно загружен. Любой простой – катастрофическая потеря денег, – распинался брат, пытаюсь оправдать свое долгое молчание. Я резко перебила его:

– Можешь не продолжать. Извиняю.

– Женья, ты сильно не расстраивайся. Я прекрасно понимаю, как много для тебя значил отец. Он тебя вырастил и любил как родного ребенка. Наверно, даже больше, чем меня... Ты держись. Ты только держись. В общем, я завтра прилетаю. Ты сможешь встретить меня в аэропорту? Записывай номер рейса.

У меня задрожали руки, комната поплыла перед глазами, но я записала все, что продиктовал сводный брат.

– Женья, и еще, я буду не один.

– Не один?

– Я приеду со своей девушкой.

– У тебя появилась девушка?

– Да, я скоро женюсь, – восторженно сообщил брат и, словно пытаясь успокоить самого себя, сказал: – Как-никак тридцать лет. Пора бы остепениться.

– И когда ты собрался остепениться?

– Через пару месяцев. Можешь меня поздравить. Вчера мы подали заявление. Шестнадцатого сентября состоится бракосочетание.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Я тебя поздравляю.

– Ну ладно. Все остальное обговорим при встрече.

Как только в трубке послышались короткие гудки, я швырнула ее на пол, налила себе виски, плюхнулась в огромное белоснежное кресло и закурила.

Интересно, о чем мой братец собрался говорить со мной при встрече?! Об этом огромном доме, который больше похож на замок или самый настоящий сказочный дворец, о моем так называемом отце или об этом проклятом завещании, которое он оставил?! Через два месяца мой дорогой братик женится, а это значит, что появится еще один претендент на наследство. Два месяца... Два месяца на то, чтобы единственным претендентом на отцово наследство осталась я... Я заслужила этот роскошный дом, эту умопомрачительную обстановку... Я выстрадала все это и имею на это полное право.

Я пошла в каминный зал и тупо остановилась перед фотографией отца, висевшей над камином. Потом сняла ее и внимательно всмотрелась в это до боли знакомое лицо. В камине еще горел огонь. Сев на корточки, я стала отрывать маленькие кусочки картона и кидала их в огонь. Когда фотография полностью сгорела, я нехорошо улыбнулась, зажгла свечки и с подсвечником в руках стала бродить по дому.

Наверное, обычный человек чокнулся бы, попав в этот дом с его огромными, погруженными в темноту комнатами. Может быть, потому, что я сова, я боюсь света – в солнеч-

ные дни чувствую себя особенно уязвимой и незащищенной. То ли дело, когда темно! Я раба ночи и ее преданное дитя. На моих окнах рольставни. Я практически их не открываю. Не пользуюсь и выключателями: ненавижу яркие люстры, которые обожал мой отец и навешивал их по несколько в каждой комнате. Я всегда передвигаюсь по дому с подсвечником и люблю запах догорающей свечи. Каждый месяц отец уезжал в командировку, и тогда весь дом погружался в беспросветную темноту... Но он возвращался, открывались жалюзи, горел свет, работал телевизор, играла музыка... В те дни, когда он был дома, я становилась мрачной, чувствовала себя ужасно подавленной и глубоко несчастной. Он снова уезжал, я брала подсвечник и погружалась в свой собственный мир, понятный только мне одной.

Раздался телефонный звонок, от неожиданности я вздрогнула. Наверняка опять брат. Да какой он мне, к черту, брат! Так, человек, с которым прошло мое унылое, беспросветное детство!

Я сняла трубку и затаила дыхание.

– Женечка, здравствуй. Это дядя Игорь тебя беспокоит.

– Здравствуйте, – буркнула я и напряглась как струна. Звонил один из многочисленных знакомых отца. Я никогда не любила его знакомых... Наверное, это оттого, что очень сильно не любила отца.

– Женечка, через час к тебе подъедет один из моих доверенных людей. Дело в том, что твой отец не успел мне передать очень важные для меня бумаги... Я заплатил за них твоему отцу приличные деньги, но так и не получил...

– Но ведь он скоропостижно умер...

– В том-то и дело. В общем, к тебе приедет мой человек. Ты ему отдашь папки. Ты же знаешь, я принял довольно активное участие в похоронах, внес посильный вклад...

– Но я не знаю, какие бумаги вам нужны. Я вообще ни разу не заходила в кабинет после смерти отца. Там, наверное, целые горы бумаг.

– Мне нужны бумаги по делу Чичерина. Там должна быть такая тоненькая серая папочка. У тебя еще целый час. Зайди в кабинет, поищи. Будь умницей и сделай то, о чем я тебя прошу. Если не сможешь найти сама, тебе поможет мой человек.

– Хорошо, – вздохнула я и слегка прикусила губу.

Взяв подсвечник, поднялась по старой дубовой лестнице на второй этаж. Посветив на висящую на каменной стене картину, я ухмыльнулась. Эту картину нарисовала я. На ней был мой отец. Вернее, о том, что это отец, знала только я одна. Черное, мрачное, трехголовое чудовище со звериным оскалом и длинным торчащим пенисом... В эту картину я вложила всю свою ненависть, которая накопилась во мне за многие годы. Я подарила ее отцу в день его рождения и сказала, что написала ее от души. Отец пришел в дикий восторг и повесил над центральной лестницей. Он так и не понял, что это он. Он думал, что это злобное существо – плод моего воображения, моей фантазии, моего безумия. После смерти отца я уничтожила все его фотографии. Сегодня – последнюю. Оставила только этот портрет.

– Здравствуй, папа, – подмигнула я чудовищу и провела ладонью по холсту.

Чудовище представляло собой самое настоящее исчадие ада и смотрело на меня холодными глазами. Полюбовавшись на свой шедевр, я вошла в кабинет. Отец не любил, чтобы я отвлекала его от работы, и никогда не впускал меня сюда. Его кабинет, где он пропадал сутками, много курил, думал, делал важные звонки, и моя мастерская, заставленная мольбертами, банками с краской и множеством безумных картин, находились совсем рядом. В мастерской прошло мое детство, моя юность. Это был мой мир, понятный только мне. Дни напролет переводила я здесь на полотна мое безумие. Я тихонько толкнула дверь кабинета. Она легко открылась. Старинный письменный стол был завален бумагами. Я принялась за дело. Перебрав гору папок, фотографий, каких-то записок, поняла, что документов о Чичерине нет...

Я подошла к шкафам. Боже мой, сколько барахла! Когда я стану полноправной хозяйкой, вытащу весь этот хлам на улицу и разожгу самый настоящий костер. Я буду плакать и смеяться, глядя, как жарится этот ненужный хлам. Вот так. Столько лет жизни отец собирал все эти листочки, аккуратно подшивал их в папки, не разрешал к ним даже прикасаться. А я просто взяла и сожгла... Даже не знаю, сколько времени я провозилась в кабинете. Прервал мои поиски звонок в дверь. Открыв ее, я сморщилась от дневного света и смахнула выступившие слезы. Проклятая светобоязнь... Дойдя до массивного каменного забора, посмотрела в глазок и увидела молодого мужчину. Он был довольно симпатичен, аккуратно выбрит и создавал впечатление преуспевающего человека. Почувствовав, что кто-то подошел к глазку, он представился:

– Я от Игоря Николаевича. Мне нужно забрать папку с документами по делу Чичерина.

Открыв железную калитку, я постаралась выдать улыбку:

– Я просмотрела черт знает сколько папок, но папки с фамилией Чичерин нигде нет.

– Предоставьте это мне. Я могу пройти в дом?

– Да, конечно.

Я закрыла калитку и последовала за ним. Дойдя до входной двери, молодой человек резко остановился и посмотрел на меня ничего не понимающим взглядом:

– Там беспросветная темень...

– Не обращайтесь внимания. У меня есть свечи.

– У вас что, проблемы с электричеством?

– Нет. Просто я не люблю дневной свет.

Захлопнув входную дверь, я направилась к лестнице.

– Вы живете в полной темноте?

– Да. Я полная противоположность своему отцу. Он обожал дневной свет, а я его просто не выношу.

– А как же телевизор?

– Его можно смотреть в темноте...

– Вы довольно странная.

– Может быть.

– Вы работали на отца?

– Нет. Я художница. Я рисую картины при медленно догорающих свечах.

Поднявшись по лестнице, мужчина остановился у портрета отца, достал платок и смахнул выступивший на лбу пот.

– Это ваша работа?

– А как вы догадались?

– Таковую картину мог нарисовать только человек с большим воображением.

– Оно у меня и в самом деле большое. Я этого не стыжусь.

– Как вы придумали это чудовище? Оно вам приснилось? – мужчина посмотрел на меня заинтересованным взглядом.

– Зачем мне его придумывать? Это чудовище сопровождало меня всю жизнь. Это мой отец.

Глаза гостя округлились, он закашлялся.

– Вы считали своего отца чудовищем?

– Я его хорошо знала.

– Надо же, а мне он был симпатичен.

– Вы были знакомы с ним лично?

– Да. Он очень часто приезжал к Игорю Николаевичу.

– Я не хочу больше говорить о своем отце, – резко сказала я и убрала подсвечник от картины. В кабинете показала на выключатель: – Можете зажечь свет.

– Спасибо. А вы искали документы без света?

– В темноте я ориентируюсь намного лучше.

Мужчина зажег свет. Я слегка сощурила глаза и махнула рукой на соседнюю дверь.

– Если я вам понадобится, я в своей мастерской.

Дверь кабинета оставалась открытой, и у себя я умышленно неплотно закрыла дверь, оставила маленькую щелочку. Буквально через несколько секунд послышался голос гостя:

– Алё! Игорь Николаевич. Это Виктор. Я в доме адвоката. Еще пока не нашел. Сейчас буду искать. Я не знал, что у него умалишенная дочь. Знаете, я подумал, а есть ли у него еще дети? Если у него только эта единственная дочь, то ей место в дурдоме. Тут такие хоромы. Можно неплохо заработать. Старик слишком много нажил добра. Ладно, поговорим при встрече.

Как только голос умолк, я появилась у входа в кабинет. Увидев меня, мужчина улыбнулся и потер ладони:

– Ну что, принимаюсь за поиски. Тут столько папок...

– У адвоката есть сын, – сказала я ровным голосом. – Он тоже является полноправным наследником этого дома. Так что ищите свою папку и убирайтесь вон.

Мужчина пришел в полнейшее замешательство. От яркого света огромной старинной люстры у меня выступили слезы. По всей вероятности, гость подумал, что это от того, что мне пришлось услышать. Он нервно достал сигарету и закурил.

– Извините. Я не хотел, чтобы вы заплакали...

– Не стоит извинений. У меня просто светобоязнь, – резко перебила я незнакомца и взяла платок.

Мужчина сел на стул и нервно забарабанил пальцами по столу. Затем пристально посмотрел на меня и тихо сказал:

– Ты даже не представляешь, как ты красива. Первый раз я увидел девушку, которая поистине красива. Ни грамма косметики, ни грамма загара. Нереально белая кожа, без единого намека на ямочку или прыщик... Огромные черные глаза и совершенно правильные, восхитительные линии тела... И при всем при этом ты сумасшедшая. Устроила тут самый настоящий склеп и сидишь в этой зловещей темноте, как ненормальная, рисуя какие-то идиотские картины.

– Я нормальная, – сухо сказала я.

– Если ты нормальная, то я приглашаю тебя вечером в ресторан поужинать.

– Я не люблю рестораны. Я была там всего пару раз с отцом. Мне там не понравилось.

Мужчина почесал затылок:

– Знаешь, мы всегда думали, что адвокат прячет свою дочь потому, что она умалишенная...

– Я нормальная, и я ни от кого не прячусь, я просто так живу, – ледяным голосом произнесла я. – Ищи побыстрее папку и уходи. Я не люблю, когда в мой дом приходят посторонние.

Мужчина согласно кивнул и подошел к огромному старинному дубовому шкафу. С трудом открыв тяжелую дверь, он вскрикнул и отскочил в сторону. Из шкафа вывалился огромный кокон, обернутый плотной клеенкой и толстым скотчем. Я вцепилась в дверной косяк и почувствовала, что у меня перехватило дыхание.

– Господи, что это? Какой-то кокон!

– Понятия не имею.

– Твой отец здесь что-то спрятал.

Мужчина достал из кармана перочинный ножик и стал резать туго намотанный скотч. Когда наконец ему это удалось и он добрался до того, что находилось внутри, в лицо мне ударило тяжелое зловоние. В клеенке лежал мужчина, напоминающий мумию.

- Это труп, – с ужасом прошептала я.
- Я в этом не сомневаюсь, – растерянно произнес гость. – По-моему, он лежит здесь давно. Странно как-то... Он не сгнил, а высох... Прямо настоящий гербарий. Ты его знаешь?
- Кого?
- Ну, этого человека... Он когда-нибудь бывал в вашем доме?
- Нет, я его первый раз вижу, – еле слышно прошептала я.
- Твой отец был не так прост, как казался, – усмехнулся незнакомец и нервно закурил. – Я так понимаю, это его рук дело?
- Ну, понятно, что не моих.
- Ладно, это меня не касается. Я ищу папку с фамилией Чичерин и умываю руки.
- Как это ты умываешь руки? – опешила я.
- А что, по-твоему, я должен делать?
- Ты этот кокон достал, ты его открыл, а теперь собираешься сваливать? Ты это все обнаружил, ты его отсюда и уноси.
- Вообще-то я пришел сюда за папкой...
- Но тем не менее вместо папки ты умудрился найти труп. Послушай, будь человеком, помоги мне от него избавиться...
- А почему ты не хочешь вызвать милицию?
- Потому что труп уже все равно не оживет, а мне лишние проблемы ни к чему. Зачем мне лишние вопросы и полный дом любопытного народа? Я очень плохо переношу посторонних людей.
- К твоему отцу приходило очень много людей. Одного из них он убил и запрятал в этот шкаф. Возможно, что и insult случился именно на этой почве.
- Это только твои догадки, – быстро проговорила я и брезгливо посмотрела на мумию. – Может, отец совершенно непричастен к этому кокону, – задумчиво сказала я и вдруг замолчала. Я растерялась: – Но если не отец, то кто? Больше некому.
- Мужчина тяжело вздохнул и совсем тихо сказал:
- Я этот кокон распотрошил, я его и заклею. У тебя есть скотч?
- Скотч?
- Ты не знаешь, что такое скотч? – раздраженно спросил он и снова закурил.
- Я не такая идиотка, как ты думаешь. Я знаю, что такое скотч, и я даже знаю, для чего он тебе нужен. Ты хочешь обратно заклеить этот чертов кокон и засунуть его в тот шкаф, откуда ты имел неосторожность его вытащить. Но ты подумал, как я буду жить в доме, зная, что в кабинете лежит труп?
- А почему я должен о тебе думать? – усмехнулся мужчина.
- Меня охватил ужас. Покраснев до кончиков ушей, я сжала кулаки.
- Если ты не поможешь мне избавиться от трупа, то не получишь никакой папки с фамилией Чичерин!
- Если я не возьму эту папку сейчас, то Игорь Николаевич больше не будет обращаться к тебе с подобной просьбой. Он будет действовать по-другому.
- Как это – по-другому?
- Ну, более нахально, что ли... Он платил твоему отцу баснословные деньги на протяжении многих лет...
- Каждую копейку, которую платили моему отцу, мой отец отрабатывал по полной программе, забывая про отдых и болезни. Он никому и ничего не должен.
- Почувствовав, что такая категоричность сейчас не к месту, я сменила тон:
- Очень тебя прошу, помоги мне избавиться от трупа. Я тебе хорошо заплачу.
- Хорошо, только деньги мне не нужны. Я тебе помогу только при одном условии.
- При каком?

– Мы избавляемся от трупа, и ты ужинаешь со мной в ресторане. Тебя это устраивает?
Я закивала.

ГЛАВА 2

Спустя несколько минут мужчина вынес кокон из кабинета и положил его рядом с входной дверью. Усевшись на пол, он смахнул пот и устало попросил:

– Послушай, включи свет, а то ведь можно умом тронуться. Как кроты, ей-богу...

– А подсвечник? Тебе что, ничего не видно? – удивилась я, но все же включила свет.

– Вот это другое дело. А то у меня создалось впечатление, что я попал в склеп. Темнота, свечи, трупы... Думаю, настало время познакомиться. Меня зовут Виктор.

– Женья.

Я как-то глупо улыбнулась и протянула Виктору руку.

– Принеси большую сумку или мешок, – сказал он, вставая. – Надо этого жмурика как следует запаковать, чтобы соседи ничего не заподозрили.

Я побежала в кладовку и схватила первый попавшийся мешок. Виктор засунул в него кокон, завязал мешок веревкой.

– Собирайся. Поехали заметать следы преступления твоего отца.

– Я готова. Куда мы его денем?

– Скорее всего скинем в реку. Подбросим рыбкам корм. Правда, не знаю, станут ли они есть такую сухую мумию.

– Но ведь ты еще не нашел папку!

– Это повод для того, чтобы вернуться в этот дом. Первым делом, чтобы не расшатывать твою нервную систему, мы избавимся от трупа. Затем обещанный ресторан, и я отвожу тебя обратно. После чего забираю папку и еду по своим делам.

– Даже не знаю, как тебя благодарить, – промямлила я.

– Ты отблаговаришь меня тем, что поужинаешь со мной. Надеюсь, в том ресторане, куда я тебя отвезу, тебе понравится.

– Ой, я совсем забыла про ресторан... Я быстро переоденусь.

Забегав в свою комнату, я открыла шкаф и посмотрела на свой достаточно богатый гардероб.

Это сумасшедшее количество костюмов приобрел для меня мой покойный отец. Он привозил их из своих многочисленных заграничных командировок и постоянно пытался меня чем-нибудь удивить. Стоп. В данный момент мне меньше всего хочется думать про своего отца. Мало того, что он изрядно испортил мне жизнь, так он еще не хочет оставить меня в покое после своей смерти! Убил человека и даже не позаботился о том, чтобы вынести труп из дома...

Подыскав подходящее платье, я оглядела себя в зеркале. По-моему, довольно неплохо. Мысль о том, что мне придется посетить ресторан, была мне крайне неприятна, но в моем доме больше не будет прозябать труп, и это заставляло меня закрыть глаза на предстоящую неприятность. Вернувшись в прихожую, я поймала на себе восхищенный взгляд Виктора, но постаралась не придать этому особого значения. Мы положили мешок с мумией в багажник новенького «Форда» и отъехали от моего дома. Всю дорогу Виктор нервно курил. Мои глаза успели привыкнуть к дневному свету и перестали слезиться. Подъехав к реке, мы вышли из машины и огляделись по сторонам.

– Нам нужна лодка, – сказал Виктор. – Труп лучше утопить, и как можно дальше от берега.

– Какая разница? Мы же не имеем к этому никакого отношения...

– В том-то и дело, что разница есть. Если бы мы сразу вызвали милицию, то и в самом деле не имели бы к этому никакого отношения, но мы ввязались в это, черт бы тебя побрал! Я вообще первый раз в жизни избавляюсь от трупа человека, которого не убивал. Короче, стой

на шухере и внимательно смотри по сторонам. Если вдруг мимо проедет машина или кто-то пройдет, постарайся сделать вид, что ты просто любишь природу, дышишь свежим воздухом. После того склепа, который ты сама себе устроила, тебе и в самом деле не мешало бы хорошенько продышаться.

– А ты? – я испуганно посмотрела на Виктора и подошла к нему как можно ближе.

– А я поищу какую-нибудь лодку. В общем, расслабься и жди моего возвращения.

Как только Виктор скрылся за деревьями, я облокотилась на капот и стала тупо смотреть на воду. Перед глазами в который раз возник отец. Господи, и как же его угораздило убить этого незнакомца! Я попыталась вспомнить последний день жизни отца перед инсультом. Утром он сказал, что у него в кабинете состоится деловая встреча с одним очень нужным человеком. Точно, он сказал именно так. Почти весь день я не выходила из своей мастерской. По всей вероятности, этот кто-то и лежит сейчас в мешке... Вечером отец позвал меня ужинать. Он очень сильно нервничал, был бледен и много пил... А затем наступила ночь. Меня слегка затрясло, потемнело в глазах...

Кто-то стукнул меня по плечу. Резко обернувшись, я облегченно вздохнула и моментально успокоилась: рядом со мной стоял Виктор.

– Я лодку нашел. Можешь не волноваться, тут вообще ни души. Сейчас мешок лодочнику отнесем, и дело сделано. Лодочник отплывет на приличное расстояние и уничтожит все следы преступления.

– Ты договорился с лодочником? – опешила я и от удивления открыла рот.

– Я заплатил ему нормальные бабки. Лодочник при понятиях. Не первый раз такие поручения выполняет. Я мог бы привести его сюда и заставить тащить мешок, но мне не хочется, чтобы он видел мою машину и запомнил номер. Осторожность никогда никому не мешала. Хочешь, куда-то не ходи, постой здесь, а я отнесу мешок.

– Нет. Я с тобой. Что-то жутко здесь стоять. Кажется, вот-вот из кустов кто-то выбежит и набросится сзади.

– Ты хочешь сказать, что тебе страшно?

– Конечно. Я же живой человек.

– Когда я увидел твой склеп, который ты сама себе создала, я подумал, что чувство страха у тебя просто отсутствует.

– Ты зря так подумал. Это не склеп, это мой мир.

Виктор достал из багажника мешок, закинул его на плечо и зашагал по тропинке. Я быстро засеменила следом, всячески пытаюсь скрыть охватившую меня дрожь.

– Ну и папик у тебя... Тот еще жук. На мокрое дело пошел, а от трупа избавиться не мог. Только идиоты трупы в доме прячут, – возмущался Виктор, поглядывая в мою сторону.

У берега покачивалась довольно старая, но аккуратная лодка. Невесть откуда возник жутковатый мужик. Он расплылся в улыбке идохнул на меня густым перегаром.

– День добрый, – хитро пробормотал он и взял у Виктора мешок.

– Не такой уж он и добрый, – устало сказал Виктор и потер ладони. – Короче, смотри мне, сделай все по уму. Я проколов не люблю. Если тебя о чем-нибудь спросят, ты нас не видел и знать ничего не знаешь. Учти, я ведь и в самом деле могу сделать так, что ты больше ничего не будешь ни видеть, ни слышать.

– Не переживай, сделаю все в лучшем виде. Я по таким делам мастак. Не ты первый, не ты последний ко мне с такой просьбой обращаешься. У меня уже рука набита. Каждую неделю приносят.

Виктор ухмыльнулся и сквозь зубы процедил:

– И еще. Хочу, чтобы ты понял одну вещь. Я к тебе ни с какой просьбой не обращался, я тебе заплатил. Улавливаешь разницу? Я вообще просить не умею. Я или плачу, или получаю желаемое с позиции силы.

Виктор взял меня за руку и, одарив лодочника суровым взглядом, отправился к машине. Как только мы отошли на приличное расстояние, с трудом переведя дыхание, я спросила:

– Послушай, а если этот алкаш обратится в милицию?

– Не обратится. Это его приработок. Многие лодочники промышляют таким ремеслом.

Я остановилась:

– Сколько я тебе должна?

– Не понял.

– Сколько денег я тебе должна за оказанную услугу? Что тут непонятного?

– Ты должна мне ресторан.

– И все?

– Пока все. А что, ты хочешь подарить мне еще и ночь?

Я оторопело смотрела на Виктора.

– Мы так не договаривались. Я лучше тебе денег дам.

– У меня с деньгами проблем нет.

– А с чем же у тебя проблемы? С женщинами, что ли? – язвительно спросила я.

– С женщинами у меня тоже полный порядок, не сомневайся.

Когда мы сели в машину, Виктор положил руку мне на плечо и тихо сказал:

– Извини. Я совсем не хотел тебя обидеть. Это была глупая и неуместная шутка. Ты обещала мне ресторан. Так что, едем?

– Едем, – кивнула я и убрала его руку со своего плеча.

Перед тем как выйти из машины, я посмотрела на свое отражение в зеркало заднего вида и удовлетворенно вздохнула.

– Можешь не переживать. Выглядишь ты просто превосходно.

– Ты так думаешь?

– Это первая мысль, которая пришла мне в голову, как только я тебя увидел.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком в шикарном зале, отделанном под старину. Я огляделась и подумала, что здесь не так уж и плохо. Приличная публика, официанты в белоснежных перчатках и красных камзолах... Отец водил меня в точно такие же дорогие рестораны, но тогда я чувствовала себя как-то неуютно. Возможно, оттого, что тогда я была с ним, а сейчас с приятным молодым мужчиной.

Я сделала несколько глотков шампанского. Хотелось хоть немного расслабиться, отвлечься от дурных мыслей, но нелепая история, разыгравшаяся несколько часов назад в кабинете отца, никак не выходила из головы. Мой отец – убийца! Это просто не укладывалось в сознании. Привести в наш дом человека, жестоко его убить и спрятать труп в собственном шкафу... Прямо наваждение какое-то. Хотя от моего отца можно было ожидать чего угодно. Эдакий милый, приветливый и добренький старикашка, который покорял всех феноменальным умом и страстью к большим деньгам. А внутри у этого простачка сидел жуткий и страшный червь, который ел сам себя и распространял ростки зла.

– Жень, а ты вообще умеешь расслабляться? – донесся до меня обиженный голос Виктора.

Я растерянно пожала плечами:

– Наверное, вся моя беда в том, что я действительно этого не умею. Иногда это получается в моей мастерской, когда, выпив бокал красного вина, рисую очередную картину.

– Так можно чокнуться...

– Именно такой ты меня и посчитал.

– Извини.

– Возможно, я очень мало бываю на людях. Вернее, почти совсем не бываю.

– У тебя есть друзья, подруги?

– Нет.

– А почему?

– Не чувствую в этом потребности. Я очень замкнутый человек. У меня есть сводный брат, но он живет в другом городе. Завтра он прилетает со своей будущей женой.

– Он прилетает к тебе насовсем?

От этого вопроса меня слегка затрясло, и снова все поплыло перед глазами. Этого вопроса я боюсь больше всего на свете. Каждую ночь я задаю себе именно этот вопрос и нахожу только один ответ: я никогда не смогу жить в одном доме вместе со своим братом.

– Нет. Я думаю, он здесь долго не задержится. – Допив бокал шампанского, я почувствовала приятный дурман и легкость во всем теле. Вероятно, оттого, что в последнее время ужасно вымоталась. Я очень много пью, рисую, не сплю ночами и постоянно думаю... Виктор вновь наполнил бокалы, произнес какой-то дежурный, заезженный тост и посмотрел мне в глаза. Я немного смутилась и улыбнулась:

– Как здорово, что тебе нужна была папка с фамилией Чичерин. Если бы она тебе не понадобилась, я бы не узнала сегодня, что в кабинете отца лежит труп. Представляешь, если бы я решила разобрать хлам и открыла этот злосчастный шкаф сама? Я бы просто сошла с ума...

– Не думаю. Мне кажется, что ты сошла с ума именно тогда, когда заживо похоронила себя в этом склепе. Почему у тебя нет друзей? Почему ты никуда не ходишь? Ты всегда вела уединенный образ жизни или стала такой только после смерти отца?

– Я не хочу обсуждать эту тему, – холодно прервала я Виктора.

– Ну? А у тебя есть мужчина? – не унимался он и хитро щурил глаза.

– Нет и не будет.

– Ты мужененавистница?

– Нет, просто у меня свое представление о мужчинах, и оно, к сожалению, не самое радужное.

– Тебя кто-то очень сильно обидел?

– Может быть, – печально улыбнулась я. Выйдя из ресторана, мы обнаружили, что у машины спущено колесо. Виктор присел на корточки:

– Прямо невезуха какая-то. Если бы ты только знала, как мне не хочется возиться с запаской...

– Может, вызвать техпомощь?..

– Зачем? Это же всего-навсего колесо.

– Не знаю. Мой отец всегда вызывал техпомощь.

– Вся разница в том, что твой отец никогда не считал деньги, а я умею их считать.

– Я могу оплатить.

– Почему ты мне постоянно говоришь о деньгах? Я не бедный человек, просто умею их считать. Только и всего. Ты этими деньгами мне все уши прожужжала. У тебя их что, так много?

– Нет. Просто я чувствую себя обязанной...

Не успела я договорить последнюю фразу, как рядом с автомобилем Виктора остановился джип. Из него выскочили трое в больших черных очках. В считанные секунды они скрутили Виктору руки, засунули в рот кляп и кинули моего спутника на заднее сиденье джипа.

– Телку тоже возьмем? – услышала я.

– На хрен она нужна.

Я не могла произнести ни звука. Один из бандитов взял меня за подбородок и сквозь зубы процедил:

– Крошка, ты хочешь поехать с нами?

– Нет, – замотала я головой, почти теряя сознание.

– Тогда забудь, что ты видела. Иначе я сделаю так, что у тебя отшибет память. Усекла?

– Да, – закивала я.

Джип резко развернулся и мгновенно исчез. От страха я смогла запомнить только две цифры его номера – 3 и 2. Я стояла у брошенной машины со спущенным колесом.

ГЛАВА 3

Несколько минут мне потребовалось для того, чтобы взять себя в руки. Сжав кулаки, я решительно направилась к ресторану: нужно позвонить Игорю Николаевичу, рассказать о том, что произошло. Но вдруг я поняла: я не знаю номера его телефона. Придется вернуться домой и порыться в отцовых блокнотах. Возможно, он где-то записан. Я вызвала техпомощь.

Ожидая мастера, я медленно ходила около «Форда», пытаюсь остановить противную дрожь в коленях. Произошедшее не укладывалось в голову: трое бандитов похищают человека среди бела дня в самом центре города, и никто на это даже не обратил внимания... Прямо как в гангстерском фильме... Рассчитавшись с мастером за колесо, я поехала домой. Когда увидела реку, поняла, что нужно остановиться: мне представилась та страшная мумия, которая сейчас плавает, вернее, лежит на дне реки. На глаза навернулись слезы. Заглянув в бардачок, я увидела пачку сигарет и закурила. Это бывает крайне редко, только в тех случаях, когда я нервничаю. Сегодняшний денек выбил меня из моей размеренной жизни. Знакомство с Виктором, труп в кабинете отца, а затем похищение Виктора прямо у меня на глазах. Возможно, Игорь Николаевич уже в курсе этого похищения и предпринимает соответствующие меры. Для чего похищают человека? Конечно же, для того, чтобы потребовать выкуп. Если бы Виктора хотели убить, убили бы сразу. Если Игорь Николаевич так называемый начальник Виктора, то звонить и требовать выкуп будут именно с него. Да какой он, к черту, начальник. Обыкновенный бандюга, только повыше рангом.

Мой отец был известным адвокатом, не проигравшим ни одного процесса. Вся его клиентура состояла из одних бандюг и закоренелых отмороzków. Они платили ему баснословные деньги, которыми мой папаша никогда не брезговал, и он с удовольствием вытаскивал каждого из любого дерьма. Его так и называли «криминальный адвокат». Помимо адвокатской деятельности, отец с удовольствием подрабатывал частным сыщиком: разоблачал неверных жен и мужей, собирал компромат на различных людей, занимался съемкой скрытой камерой и всем, что приходится делать детективу. Игорь Николаевич был большим другом моего отца и довольно часто пользовался его услугами. Виктора могут убить только в том случае, если Игорь Николаевич пожадничает и откажется платить похитителям.

Выкинув сигарету, я перевела дыхание и сама устыдилась своих мыслей. А почему я, собственно, должна переживать за какого-то Виктора?! В конце концов, кто он мне? Никто. Так, посторонний человек, случайно вошедший в мой дом... Тем более что в моей памяти хорошо запечатлелся тот разговор, который я услышала в кабинете отца. Виктор назвал меня умалишенной и поинтересовался, есть ли у адвоката еще наследники на так называемый престол в виде дорогого, безумно красивого, нафаршированного всякой всячиной дома. У меня вообще не может быть никакого желания ему помогать, разыскивать Игоря Николаевича и рассказывать ему о том, как пропал Виктор. И все же... Виктор помог мне избавиться от страшного трупa.

Я стала рассматривать содержимое бардачка и сразу наткнулась на пачку презервативов. Повертев пачку в руках, я увидела еще три точно такие же разноцветные пачки и ухмыльнулась. Господи, да куда же ему столько! Прямо настоящий половой гигант. Сразу видно, огромный охотник до женщин, любитель хорошо потрахаться. Кинув пачки обратно, я запустила руку глубже и извлекла из бардачка тоненькие женские трусики. По всей вероятности, их кто-то просто забыл надеть. Сморщившись, я кинула трусы обратно и отшатнулась от бардачка, как от проказы. С виду порядочный мужик, а на самом деле... И угораздило же меня пойти с ним в ресторан... Чтобы успокоиться, я вышла из машины. Подняв голову, облегченно вздохнула. Наступило мое самое любимое время суток, которое зовется ночью.

Увидев тропинку, я узнала место, где мы останавливались с Виктором, и решила пойти посмотреть, на месте ли лодочник. Спустившись к реке, я спряталась за массивным деревом. Отсюда хорошо просматривалась та самая лодка, на которой еще несколько часов назад покоилась наша мумия. Рядом с лодкой не было ни лодочника, ни зловещего мешка... Оно и понятно. Лодочник получил желаемые деньги, сделал свое дело и удалился пьянствовать. Я уже хотела было вернуться обратно, но неожиданно подъехал серебристый «Опель». Я почувствовала, как снова затряслись мои колени, затаила дыхание и постаралась взять себя в руки. Это ж надо было так нарваться! Угрозило меня остановиться... По всей вероятности, серебристый «Опель» приехал сюда за тем же, за чем приезжали и мы. Сейчас выйдет мужчина, достанет из багажника мешок и начнет искать лодочника. Лодочник был прав: его такое своеобразное частное предпринимательство пользуется необычайной популярностью! Как я и предполагала, из «Опеля» вышел тучный мужчина и огляделся по сторонам. Я мысленно ему посочувствовала. Он нажал сигнал, и словно по команде рядом с лодкой возник лодочник. К моему глубокому сожалению, их разговор не был слышен, но я догадывалась, о чем они говорят. Лодочник подошел к лодке, достал из нее мешок, быстро его развязал и извлек нашу с Виктором мумию. Я пришла в ужас. Почувствовав, что покрылась холодным потом, я встала на колени и все-таки подползла поближе, чтобы слышать, о чем они говорят. Благо меня скрывала темнота и высокая трава. Я напрягла слух.

– Щас я подсвечу, а то ни хрена не видно, – сказал мужчина и включил фары серебристого «Опеля». – Так кто это жмурика привез?

– Я же тебе говорю, – произнес по-прежнему пьяный лодочник. – Мужик с бабой. Его рожу я хорошо запомнил, да и бабу... такая красивая... Ее грех не запомнить. У нее даже отличительная черта есть, сразу бросается в глаза.

– Какая?

– Я таких белых баб еще никогда не видел.

– А какая же она должна, по-твоему, быть, черная, что ли? – усмехнулся мужчина и закурил.

– Вернее, не белая, а какая-то бледная, словно она на воздухе вообще не бывает и никогда не загорала.

– Тоже мне отличительная черта... Водку жрать меньше надо, тогда будешь хорошо людей запоминать. Бледная... Таких бледных полгорода ходит. Сегодня она будет бледная, а завтра станет румяная, как матрешка. Хрен моржовый!

– Да не кипятись ты, Леонидыч. Сам подумай, лето в самом разгаре, а баба белая, словно смерть. Я тебе зуб даю, что она никогда в жизни не загорала, морда и руки у нее словно снег. Хотя она довольно обеспеченная. Видно, что при деньгах. Может, она болеет чем.

Короче, они мне мешок оставили, денег дали и ушли. А я не дурак, я следом за ними пошел, да так аккуратно, чтобы никто не заметил. Я, Леонидыч, твои инструкции строго соблюдаю. Я видел, на какой они машине приехали.

– Что, и номер запомнил?

– Запомнил, а почему бы мне его не запомнить.

– Вот это другое дело. Это по-нашему, а то пошел мне тележить про какую-то бледность.

– Темно-синий «Форд», а номер – три восьмерки.

– Номер блатной.

– Не знаю, блатной не блатной, а запоминается легко. По номеру ты всегда хозяина можешь вычислить, если, конечно, он не по доверенности ездит.

– Что я дальше буду делать, тебя не касается. Ты, главное, свою работу выполняй, а в мою не лезь.

– А я свою работу хорошо выполнил. Я номер запомнил и марку машины. Куда уж лучше-то! Видишь, Леонидыч, как мне твой сотовый телефон пригодился. Как только они отъехали, я сразу тебе позвонил. Только ты так долго ехал...

– Я на другом конце города был, кое-какие дела решал. Да и ехать сюда черт знает сколько времени. Я же не на вертолете летаю! Дай мне телефон, посмотрю, сколько там осталось.

Лодочник достал из кармана сотовый телефон и протянул мужчине.

– Я же тебе говорил, кроме меня, никому не звони, а ты болтаешь хрен знает с кем. Я положу еще пятьдесят баксов, смотри экономь.

– Леонидыч, я всегда экономлю. Ты не переживай. Я знаю что подумал... Труп какой-то странный. Сразу видно, что ему уже не одна неделя. И вот что меня насторожило: он не сгнил, а высох. На мумию похож. Словно его чем-то облили, чтобы он засох. Заметь, он даже не воняет.

– Воняет. Просто ты свой нюх на водку променял. Ты вот что... В воду его не скидывай. Замотай скотчем и спрячь где-нибудь рядом со своей сторожкой. Он нам может понадобиться.

– Само собой.

Лодочник достал папиросу. Неожиданно мне в нос попала трава. Защекотало с такой бешеной силой, что я просто не могла сдержаться и чихнула. Поняв, что прятаться бессмысленно, я вскочила и побежала к машине.

– Леонидыч, это и есть та девка! – закричал лодочник.

ГЛАВА 4

Все последующие события пронесли в моей голове словно ветер, и я с трудом вспоминаю их последовательность. Включая зажигание, я с ужасом увидела, что преследователи уже подбегают к «Форду». Я нажала на газ и поехала прямо на них. Они мгновенно отскочили в разные стороны. Один из них достал пистолет, правда, никакого выстрела не последовало.

Через несколько минут я уже неслась по шоссе и до упора давила на газ, не забывая постоянно оглядываться. Погони не было. Петляя с одного шоссе на другое, я успокоилась и поняла, что меня никто не преследует. Теперь предстояло решить, что делать с этим засвеченным «Фордом». Первое, что пришло в голову, – бросить его к чертовой матери, поймать попутку и вернуться домой. В конце концов, Виктор оставил его у ресторана, и я не обязана спасать его от автомобильных воров. Может, я вообще машину водить не умею! Может, я прямо от ресторана уехала домой на такси. Но все же как-никак, а я его должница, значит, просто обязана спасти эту гребаную машину. Он помог мне избавиться от трупа... Правда, так, как он помог... Лучше бы не помогал... Какого черта он обратился к этому лодочнику?! Ладно, поставлю «Форд» в своем подземном гараже, а там будет видно. По крайней мере я к этому «Форду» никакого отношения не имею, поэтому через машину на меня никак не выйдешь. А если через нее можно выйти на Виктора, то его сейчас днем с огнем не найдешь. Было бы замечательно, если бы похитители держали его как можно дольше.

Дома я поставила «Форд» в подземный гараж, рядом с отцовской машиной. В том, что тут его никто не найдет, я не сомневалась.

Как обычно, с подсвечником в руках я вошла в кабинет. Одного взгляда на дубовый стол было достаточно, чтобы убедиться – телефон Игоря Николаевича найти в этой свалке практически невозможно. Но в следующую минуту Игорь Николаевич позвонил сам, будто слышал мои мысли.

– Женя, куда подевался Виктор? Никак не мог тебе дозвониться...

– Меня не было дома.

– Странно. Обычно ты редко выходишь из дому. Ты же домашняя девушка.

– А если я иногда все же выхожу на улицу, это значит, что я уличная? Виктор пригласил меня в ресторан.

– В ресторан?

– Да. Что тут удивительного? Меня что, нельзя пригласить в ресторан?

– Можно, конечно. Просто он меня не поставил в известность. Он нашел папку?

– Нет. Он хотел поискать ее после ресторана, но его похитили.

– Кого?

– Виктора. Мы вышли из ресторана и увидели, что у машины спущено колесо. В этот момент подъехал джип. Трое мужчин скрутили Виктору руки, бросили его в машину и увезли.

– Ты запомнила их?

– Они были одеты в черные костюмы и черные очки. Все стриженные и плотные. Там особо нечего запоминать. Сегодня ночью я попробую найти вашу папку.

– Я буду тебе очень признателен. Позвоню позже.

– Игорь Николаевич, а что вы будете делать с Виктором?

– Как – что? Буду его искать.

– Удачи вам, – спокойно сказала я и положила трубку.

После долгих часов поисков я убедилась, что никакой папки с фамилией Чичерин в отцовском кабинете нет...

Немного побродив по дому, я легла спать, но сон никак не шел. Завтра будет новое испытание. Завтра мне придется встретить своего сводного брата, еще одного законного и полноправного наследника...

Проснувшись я поздно. Взглянув на часы, вскочила с кровати. Надо успеть выпить хотя бы чашечку кофе перед тем, как ехать в аэропорт встречать брата. Буквально на ходу сделала несколько глотков и побежала одеваться. Времени на размышления не оставалось. Схватив ярко-лиловый костюм, который отец привез из Франции, приложила его к себе и удовлетворенно кивнула. Суперкороткая юбка и длинный пиджак – в этом что-то есть. Одевшись, я грустно посмотрела на свое бледное лицо. Черт побери, и почему я так ненавижу солнце... Слегка подкрасившись, я вновь оглядела себя придирчивым взглядом и улыбнулась. Ведь это не просто встреча... Это встреча с моим братом... После стольких лет...

Отец отправил его учиться в Англию, когда брату было одиннадцать лет. Роберт с отличием закончил колледж, поступил в академию, а затем приехал в Питер и плотно там обосновался. После нескольких телефонных звонков я поняла, что дела у него пошли в гору. Собственная просторная квартира, собственный доходный бизнес и собственная жизнь... У него было все, чего не было у меня. Свобода, самостоятельность и блестящие перспективы. На все мои просьбы поехать вместе с ним отец отвечал отказом. Как только я закончила начальную школу, он нанял мне преподавателей и устроил обучение на дому. Этот дом оказался самой настоящей тюрьмой, и я завидовала своим сверстникам, которые сидели за школьными партами, бегали на переменах и хватали друг друга за косички. Потом я просто привыкла. Человек так устроен, что привыкает буквально ко всему, даже к тому, к чему, кажется, нельзя привыкнуть. Я поняла, что я не такая, как все. Я закрылась в мастерской и принялась рисовать. Шли годы, а я все сидела в мастерской и рисовала... Я отвыкла от людей. Я стала бояться и просто-напросто избегать их. У меня появилась своя жизнь, свой внутренний мир... А затем я стала бояться не только людей, я стала бояться света. Я любила темноту и всегда прятала глаза от солнца.

Я постаралась взять себя в руки, сдержать не вовремя выступившие слезы. Проходя мимо портрета отца, остановилась и помахала ему рукой.

– Здравствуй, папа. Твой любимый сынок приезжает. Твой наследник. Твой любимчик. Ты решил, что он будет твоим единственным наследником, и даже не упомянул моего имени в завещании, но ты недооценил меня. Я никогда и никому не отдам то, что по праву принадлежит мне. Я не умею делиться, папа. Это твоя черта. Этому научил меня ты. Ты закрыл меня от внешнего мира и спрятал от посторонних глаз. Ты не хотел делить меня ни с кем. Люди говорят, что я сумасшедшая. Это ты сделал меня такой. После стольких лет страшной, жестокой жизни, которые ты мне подарил, ты даже не упомянул обо мне в завещании! Будь ты проклят! Ты уже и так проклят! Скоро ты увидишь, как я заучила твои уроки. Это будет скоро, потому что приезжает твой сын...

Затушив свечи, я вышла из дома. В аэропорту купила небольшой букетик цветов. «Это для второй претендентки», – ухмыльнулась я. Я ненавидела избранницу Роберта, даже ни разу не видя ее. Я точно знала одно: раньше мне предстояло сражаться с одним Робертом, а теперь вместо одного заклятого врага у меня появился второй.

Объявили о приземлении самолета, и вскоре появился Роберт. Такой же красивый, как в детстве. На нем был солидный костюм и яркий галстук. Рядом чинно вышагивала симпатичная молоденькая девушка, одетая словно разноцветный попугай.

– Женька, привет! – издали крикнул Роберт и помахал мне рукой.

Я расплылась в улыбке и наигранно бросилась к братцу на шею. Поцеловав в губы, я прикусила мочку его уха так, чтобы все его тело покрыли мелкие мурашки. Я проделывала такие номера в детстве, и Роберту это очень нравилось. Брат слегка растерялся, но быстро пришел в себя и спокойно сказал:

– Женька, знакомься. Это Светлана. Моя вторая половина.

– Как, уже?

– Ну, скоро будет, – пожал плечами Роберт и чмокнул меня в щеку.

– Вот когда будет, тогда и назовешь ее второй половиной. А сейчас она всего-навсего невеста, – отчеканила я и протянула новоиспеченной невесте букет.

Светлана взяла букет и постаралась скрыть недовольство моими последними словами. По дороге к машине мы болтали о всякой ерунде. Я положила руку Роберта себе на плечо и умышленно не давала Светлане вставить в наш разговор даже слово. В машине Роберт снял галстук и расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Ну и жарища у вас тут. Давно так палит?

– Наверное. Я не часто бываю на улице. Ты же знаешь, все время пропадаю в мастерской. У меня много работы. Только закончу одну картину, а в голове уже возникла другая. И так без остановки.

– А ты не думаешь где-нибудь выставиться?

– Пока нет. Не испытываю такой потребности. Главное – моральное удовлетворение.

– Морального удовлетворения не бывает без материального. Тебе нужно выставиться. Люди будут покупать твои картины, ты сможешь получать за них деньги. Мы еще поговорим об этом.

– Твоя сестра художница? – как-то слишком любезно спросила Светлана и приветливо взглянула на меня.

– Художница. Только упорно не хочет показывать свои работы. Я поставлю на этом добровольном затворничестве жирную точку.

Когда мы въехали в наш коттеджный поселок, Светлана открыла рот и с восторгом рассматривала навороченные, дорогие дома.

– Боже мой, живут же люди! – вслух удивлялась она.

– Да, здорово. Тут живет продвинутая, обеспеченная публика с большими бумажниками, – засмеялся Роберт. – Скоро приедем.

– Твой отец был богат? Почему ты никогда мне о нем не рассказывал?

– Потому что я почти с ним не жил. Еще ребенком он отправил меня в Англию, а потом предоставил полную самостоятельность.

Мне захотелось сказать Светлане какую-нибудь гадость, но я все же смогла себя сдержать и промолчала.

– Добро пожаловать домой, братишка, – наигранно улыбнулась я Роберту, как только мы въехали в ворота.

– Спасибо, – чуть было не прослезился брат и обнял меня.

Я искоса следила за реакцией его невесты. Светлана смотрела на дом такими восторженными, сумасшедшими глазами, что я даже ненароком подумала, не потеряла ли она рассудок. Она нервно курила, сбрасывая пепел прямо себе на туфли, заметно покраснела, тяжело дышала – в общем, казалась тяжелобольной...

Слегка откашлявшись, я чуть слышно спросила Роберта:

– Ты уверен, что с твоей будущей половиной все в порядке?

Роберт посмотрел на свою спутницу любящим взглядом.

– Я уже и сам отвык от всего этого, – кивнул он на дом и весело мне подмигнул.

– Ничего, привыкнешь, – задумчиво сказала я и закрыла ворота. – К хорошему привыкаешь быстро. Вот к плохому трудно привыкать.

Открыв дверь, я гостеприимным жестом пригласила брата:

– Проходи и вспоминай.

Роберт сделал несколько шагов, остановился и посмотрел на меня ничего не понимающими глазами.

– Женька, где здесь свет включается? Темнотища, с ума сойти!

– Ах, свет...

Я прошла вперед и щелкнула выключателем. Гостиная озарилась ярким светом, люстры заиграли множеством разноцветных огоньков.

– Просто я никогда не включаю свет, – растерянно сказала я и с грустью посмотрела на стоящий на полу подсвечник.

– Ты что, сестренка?! Как можно жить без света? Такая девица-красавица, а сидит в темнице! – засмеялся Роберт и поставил сумку на пол.

Не долго думая, он подошел к окнам, открыл рольставни. В гостиной стало так светло, что необходимость в искусственном освещении отпала. Я нервно прикусила губу, но не подала виду, что меня сильно задел этот хозяйский жест.

Роберт стал подниматься по лестнице, и я не выдержала, крикнула ему вслед:

– В моей мастерской ничего не открывай!

– Не буду! – откликнулся брат.

– Вы что, рисуете свои картины в темноте? – ехидно спросила Светлана и посмотрела на меня надменным взглядом.

– Рисуют дети в школе, а я пишу, причем довольно профессионально.

Роберт остановился напротив портрета отца и недоуменно посмотрел на него.

– Женька, а это кто? Демон, что ли?

– Демон, – совершенно спокойно ответила я и в знак подтверждения кивнула.

– Ну и чучело! От таких картин, да еще в темноте, может крыша поехать. Я смотрю, тебя одолевают какие-то ненормальные фантазии. Хотя, знаешь, в этом чудовище что-то есть...

– Что именно? – оживилась я. – Это чудовище тебе кого-то напоминает? Скажи, на кого оно похоже?

– Не знаю, – Роберт пожал плечами.

– Это отец, – спокойно сказала я.

– Отец?!

В голосе брата звучал неподдельный ужас. Он еще раз посмотрел на портрет и остановил свой взгляд на мощном, темно-красном фаллосе.

– Это его член, – так же спокойно сказала я. Немного замешкавшись, Роберт бросил на меня растерянный взгляд и попытался перевести разговор на другую тему.

– Женька, тут почти ничего не изменилось! – он бегом спустился по лестнице.

– Как знать, – тяжело вздохнула я.

Буквально через несколько минут мой братец взял инициативу в свои руки: отнес вещи в спальню для гостей, переоделся в объемные шорты, обосновался на кухне и принялся готовить праздничный обед. Светлана облачилась в домашний халатик и с удовольствием помогала ему. Посмотрев на эту идиллию, я почувствовала себя лишней и удалилась в мастерскую.

По понятным причинам работа не шла. Все закончилось тем, что я разбросала кисти, пролила пару банок с краской и, не выдержав, ушла в свою комнату. Мой братец решил идти напролом, сразу показал, кто истинный хозяин в доме. Уже успел побывать в моей спальне и пооткрывать окна. На постели лежала небольшая розовая коробочка, перевязанная красной ленточкой. Развязав ленточку, я открыла коробку и извлекла из нее ярко-красное шифоновое платье. Платье оказалось впору и подчеркивало все достоинства моей фигуры. Чересчур смелое декольте, обнаженная спина – вырез до самых ягодиц... Вполне в стиле моего брата. Когда мы были детьми, он наряжал меня в различные куски тканей, косынки и прочую ерунду. При этом я всегда была госпожой, принцессой, а Роберт моим верным кавалером. Однажды отец застал нас за этим занятием, ему это не понравилось. В тот момент Роберт

закутал меня в какую-то длинную косынку и по-детски поцеловал в шею. Отец немисливо озверел, оттолкнул Роберта, влепил ему хороший подзатыльник и посмотрел на меня взглядом, полным ненависти.

– Такая маленькая, а уже шлюха, – произнес он злобно и закрыл меня в комнате. Вскоре отец отправил Роберта на учебу в Англию, и с тех пор я никогда больше его не видела. Никогда, до сегодняшнего дня...

Встав у зеркала, я грустно посмотрела на свое отражение и достала тональный крем: мне хотелось закрасить свою неестественную белизну. Нанежив крем, я вновь посмотрела в зеркало и сама себе показала язык. Вот так-то лучше. Когда разгребу навалившиеся на меня заботы, обязательно схожу в солярий. Только бы разобраться с наследством...

В этот момент открылась дверь, и на пороге моей спальни показался Роберт. Он осматривал меня с ног до головы и покачал головой:

– Ты просто сокровище! Если бы я не был твоим братом, обязательно начал бы за тобой ухлестывать. Я очень долго выбирал это платье. Обездрил все магазины. Мне хотелось видеть тебя такой, какой я вижу сейчас.

Я пристально посмотрела на него и сквозь слезы сказала:

– Спасибо. Мне никогда никто не дарил подарков. Кроме отца...

– У тебя что, нет молодого человека?

– Нет.

– Но почему?

– Давай я не буду отвечать на этот вопрос.

– Хорошо, если не хочешь, не отвечай, но кавалера я тебе обязательно найду. В этом можешь не сомневаться. – Роберт поспешил перевести разговор на другое: – Женька, пошли к столу. Мы со Светкой решили устроить пир и наготовили всякой вкуснятины. Как-никак мы не виделись с тобой черт знает сколько лет! Даже не помню сколько, но знаю, что очень много. Когда я уезжал, ты была совсем ребенком. Такая озорная, красивая девчонка с неестественно большими глазами...

Я постаралась сдержать выступившие слезы, подошла вплотную к брату и тихо сказала:

– Что ж, пойдем, а то твоя половина заждалась.

Роберт взял меня за руку.

– Женя, если у тебя есть молодой человек, пригласи его на обед. Вчетвером нам будет намного веселее. Мне бы хотелось, чтобы ты не чувствовала себя одинокой.

– У меня нет молодого человека, – резко ответила я, а потом провела рукой по волосам Роберта. – Одиночество – мой образ жизни. Я привыкла так жить и совсем не хочу менять свои привычки. Я скромно умолчу про твою вторую половину, но скажу, что мне вполне хватает твоего общества.

Роберт шел позади меня, и я затылком чувствовала его тяжелое, прерывистое дыхание.

Светлана в нарядном платье сидела за столом. Когда мы вошли, она оглядела меня придирчивым взглядом. Роберт отодвинул стул, помог сесть.

Мы ели мясо по-капитански; Роберт разливал шампанское, говорил один тост за другим.

Я нарочно несколько раз роняла вилку и наклонялась за ней одновременно с услужливым Робертом. Наши руки соприкасались, и я ощущала его страстное дыхание. Иногда я тянулась за салатом, еще больше обнажая и без того открытую грудь, и ловила на себе ревнивый взгляд Светланы.

– Женя, а почему вы не пригласили на обед своего молодого человека? – не выдержав, спросила она.

– У меня нет молодого человека, – широко улыбнулась я и поправила упавшую на глаза челку.

– Вы поссорились со старым приятелем, а новым еще не успели обзавестись?

– У меня нет молодого человека и никогда не было, – вызывающе сказала я и посмотрела на Светлану взглядом, полным превосходства.

Она немного замешкалась, пытаясь скрыть растерянность, а потом как-то по-хамски спросила:

– Так ты еще невинна? Не спала с мужчинами? Милая, ты много потеряла. Ты уже довольно зрелая девушка, неужели у тебя не срабатывает природный рефлекс? Как-нибудь без Роберта мы обязательно посплетничаем на эту тему. Я расскажу тебе много интересного и поучительного.

Не растерявшись, я ухмыльнулась и сказала довольно спокойным голосом:

– Я не невинна и думаю, что толк в сексе знаю намного больше, чем ты. Когда не будет Роберта, мы обязательно посплетничаем на эту тему. Уверена, после нашего разговора ты откроешь для себя много нового. Чтобы заниматься сексом, не обязательно иметь старого или нового приятеля.

Светлана выронила вилку и нервно закурила. Роберт попытался смягчить ситуацию. Когда обед подходил к концу, позвонил Игорь Николаевич:

– Женя, это опять я. Как там у нас дела с папкой по делу Чичерина?

– Никак, – тяжело вздохнула я. – Перетрясла весь кабинет, но папку не нашла.

– Ничего не понимаю, – в голосе Игоря Николаевича прозвучали недовольные нотки. – Ты уверена, что хорошо искала?

– Уверена. Если не верите, приезжайте и ищите сами.

– Именно так я и сделаю, – Игорь Николаевич бросил трубку.

Я пожалела, что не успела спросить про Виктора.

– Женька, у тебя какие-то проблемы? – донесся до меня голос Роберта.

– Никаких проблем. Просто отец даже умереть нормально не мог... Оставил какие-то нерешенные дела, за которые теперь приходится отдуваться мне.

– Ты объясни, что не имеешь к ним никакого отношения. Нет человека, нет никаких дел.

– Верно. Только есть люди, которые не желают ничего понимать.

Ни на кого не глядя, я ушла к себе.

Упав на кровать, я закрыла глаза и сжала кулаки. Обильно нанесенный тональный крем, казалось, ужасно давит, мешает дышать.

Перед глазами возник отец. Такой большой и такой властный, а рядом стояла я, слабая, бессильная и беззащитная...

Я отчетливо помню тот вечер. Роберт улетел в Англию. Я сидела в своей комнате и играла в игрушки. Дверь открылась, в комнату вошел отец. Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом, таким, каким он никогда не смотрел на меня раньше. Я прижала к себе куклу и испуганно спросила:

– Папочка, ты что?

Отец ничего не ответил и быстрым жестом сорвал с меня платье, разорвал трусики и изнасиловал. Потом это повторялось изо дня в день, за исключением тех счастливых дней, когда он был в командировках. Сначала я плакала и сопротивлялась, но затем наступил момент, когда я поняла, что сопротивляться бесполезно... Наверное, именно тогда я полюбила темноту.

В темноте я чувствовала себя защищенной, а самое главное, в ней я могла спрятаться от отца...

ГЛАВА 5

Шли годы. Из забитой маленькой девочки я превратилась в зрелую девушку, и рядом со мной по-прежнему был только один мужчина – мой отец. Чувство страха никогда не покидало меня. Я безропотно выполняла все его прихоти и желания. Я стала похожа на зомби! Я полностью подчинилась своему господину, а мой господин наслаждался своей властью и пользовался мной, когда хотел... У меня не было ни друзей, ни подруг, потому что я получала образование дома. Отец изолировал меня от внешнего мира и навязал мне свой образ жизни.

Смахнув слезы, я почувствовала, что моя косметика размазалась по всему лицу. Будь он проклят, этот отец! Хотя он уже и так проклят, потому что мертв.

Неожиданно открылась дверь, и на пороге появился Роберт. Он сел на краешек моей кровати и тихо заговорил:

– Женья, я бы очень хотел, чтобы вы со Светойладили. Она хорошая девушка, поверь. Просто она еще не адаптировалась.

Я подняла голову и пристально посмотрела на Роберта.

– К чему она не адаптировалась? К роскоши? К чужому богатству? Извини, Роберт, если я что-то сказала или сделала не так. Я не хотела обидеть ни твою вторую половину, ни тем более тебя.

– Почему ты плачешь? – испуганно спросил он, разглядев мое измазанное косметикой лицо.

– Я не плачу. Я просто немного расстроилась. Это никак не связано с тобой. Не бери в голову.

– Женья, он тебя насиловал? – чуть слышно спросил Роберт и взял меня за руку. Его губы заметно дрожали, а на глаза накатались слезы. – Я это понял, как только посмотрел на картину, висящую в гостиной. Он отправил меня в Англию для того, чтобы жить с тобой. Господи, какой я дурак, что не понял это сразу...

– Уходи. Я хочу побыть одна, – сквозь слезы произнесла я и слегка оттолкнула Роберта.

Роберт привстал, сел прямо на пол и положил голову мне на живот.

– Женька, это же чудовищно... Я всегда восхищался своим отцом. Он был ужасно работоспособен, удачлив в делах, расчетлив и никогда не проигрывал, но я ненавижу его за то, что он сотворил с тобой.

– Я не нуждаюсь в твоей жалости. Я же просила тебя уйти. Слишком поздно ты обо мне забеспокоился. Слишком поздно ты обо мне вспомнил...

– Я всегда о тебе помнил. Тебя невозможно забыть.

– Пошел вон, – глотая слезы, сказала я и уткнулась лицом в подушку.

Роберт быстро встал и вышел из комнаты. Полежав несколько минут, я встала с кровати, села у зеркала и стерла с лица остатки косметики.

– Ничего, Роберт. Я расквитаюсь с тобой за отца. Ты такой же, как и он, потому что ты с ним одной крови.

Посидев немного в мастерской, я хотела уже пойти лечь спать, но услышала пронзительный телефонный звонок. В гостиной я увидела растерянного брата, держащего телефонную трубку.

– Женья, тебя спрашивает какой-то молодой человек, – в голосе Роберта слышались ревнивые нотки.

– Молодой человек? Он представился?

– Да, его зовут Виктором.

– Виктор?! – Я почувствовала, как учащенно забилося сердце и слегка потемнело в глазах.

Взяв трубку, я ласково посмотрела на Роберта:

– Никогда не думала, что меня будет спрашивать какой-то молодой человек.

– Але, Женья, это Виктор! – в трубке слышалось прерывистое дыхание. – Женья, ты меня узнала?

– Узнала, – глухо сказала я и вновь посмотрела на Роберта.

Поймав мой взгляд, он отошел от телефона, делая вид, что его совершенно не интересует этот звонок.

– Виктор, ты где? – испуганно спросила я.

– Я и сам толком не знаю, – как-то растерянно ответил он и вновь тяжело задышал. – Женья, дело в том, что за меня требуют выкуп... Нужно пятьдесят тысяч долларов, тогда меня отпустят. Я уже всех обзвонил – и никакого толку. Мне больше не к кому обратиться... Я решил позвонить тебе.

Мне показалось, что еще несколько слов, и я просто-напросто не смогу удержать телефонную трубку. В висках стучало, на лбу выступил холодный пот.

– Господи, а я здесь при чем?

– Просто я подумал, что совсем недавно оказал тебе одну довольно странную услугу... Окажи и ты мне.

– Ничего себе услуга, в пятьдесят тысяч долларов! – я присвистнула и украдкой взглянула на Роберта.

– Женья, я же тебе говорю, мне больше не к кому обратиться. Когда меня отсюда выпустят, я обязательно соберу всю сумму и незамедлительно верну. Можешь не сомневаться.

– А как же Игорь Николаевич?

– Игоря Николаевича нет на месте. Он уехал и неизвестно когда вернется, а у меня каждая минута на счету. Каждая минута может стоить мне жизни, пойми.

– Понимаю, – прошептала я и постаралась унять дрожь в коленях. – Но ведь я тоже не могу собрать такую сумму за считанные секунды! У меня нет таких денег.

– У тебя, может, и нет, а у твоего отца найдутся. Если такой суммы нет в его сейфе, сними их в банке. Женька, помоги, иначе через несколько часов я стану трупом.

– Да, конечно, – растерянно пробормотала я и уже более уверенно спросила: – Что я должна сделать?

– Достань нужную сумму и поезжай на железнодорожный вокзал. Подойдешь к автоматическим камерам хранения и найдешь кабинку с номером 123. Положишь деньги туда и выставишь на кабинке код 7355. Потом сразу возвращайся домой и жди моего звонка.

– А если эта кабинка будет занята?! – истерично воскликнула я и чуть было не выронила трубку.

– Она будет свободна, – резко ответил Виктор и уже более ласковым голосом сказал: – Женька, выручай. Как только меня освободят, мы с тобой по деньгам разберемся. Ты внакладе не останешься. Понимаешь, просто жить хочется, спасу нет. Тем более я такую девушку встретил...

– Какую еще девушку?

– Я встретил тебя.

Услышав последнюю реплику, от неожиданности я бросила трубку и залилась алой краской. Роберт взял меня за локоть и испуганно спросил:

– У тебя какие-то неприятности? Ты не хочешь поделиться своими проблемами?

– У меня нет проблем, – отрезала я и бросилась в кабинет.

Светлана, столкнувшись со мной, шарахнулась в сторону. Я плотно закрыла за собой дверь в кабинет и открыла сейф. Перед глазами представился Виктор. Было страшно подумывать, что буквально через несколько часов он может стать самым настоящим трупом. Я достала аккуратно сложенные пачки долларов и принялась считать. Было ровно пятьдесят

шесть тысяч. Эти деньги отец кропотливо складывал на полку, аккуратно перетянув пачки резинкой от бигуди. Отложив пятьдесят тысяч, я засунула их в черный целлофановый пакет, остальные положила в сейф. Только я успела закрыть дверцу, как в кабинет вошел Роберт. Я взяла со стола пакет и недовольно проворчала:

– Ну что ты, ей-богу, за мной по пятам ходишь... Займись лучше своей Светланой. Привез в дом девушку и совершенно не хочешь уделять ей внимание. Некрасиво как-то получается.

– Светлана не просто девушка, Светлана моя будущая жена, – обиделся Роберт и мельком взглянул на мой пакет.

– Мне совершенно безразлично, кем она тебе приходится, – резко бросила я и вышла из комнаты.

Перескакивая через ступеньки, я спустилась вниз, выскочила из дома и вывела машину из гаража. Откинувшись на спинку водительского сиденья, старалась успокоиться, но до полного спокойствия было далеко. Я никогда не любила этот автомобиль, потому что в нем все напоминало об отце... В бардачке лежала целая кипа его рабочих бумаг, в пепельнице валялись его окурки. Даже на заднем сиденье красовался его малиновый галстук, до которого я так и не смогла дотронуться.

Положив пакет рядом с собой, я выехала на шоссе и облегченно вздохнула. Наверное, я и сама не ведала, что творила в данный момент, но я твердо знала, что эти деньги играют роковую роль в жизни человека, с которым совершенно случайно свела меня судьба. Нажав на газ, я помчалась быстрее и для того, чтобы успокоить собственные нервы, включила музыку на полную катушку.

Перед глазами вновь возник отец. Будь он проклят! Когда же наконец я смогу от него избавиться?! Мало того, что он мучил меня при жизни, так он не отпускает меня даже после своей смерти.

Неожиданно вспомнился небольшой двухэтажный Дом ребенка. Я, маленькая девочка с короткими косичками, играю с такими же брошенными детьми, как я. Мы сидим на старом, допотопном, поеденном молью ковре и рассматриваем свои затертые игрушки. Я ловлю злобный взгляд нашей воспитательницы и опускаю глаза. Мы все называли ее мамой, но не оттого, что нам так хотелось, а оттого, что нас заставляли ее так называть. Я всегда боялась свою воспитательницу, потому что она могла наказать нас за любую провинность: поставить в угол, ударить или хорошенько оттащить за волосы. Она называла нас подкидышами и каждый раз ранила каким-нибудь обидным словом. Когда нас выводили за пределы детского дома, я с любопытством смотрела на молоденьких мам, которые везли нарядные коляски с такими же нарядными, разодетыми детьми. Они говорили им ласковые слова, кормили конфетами, зацеловывали... Я верила, что моя мама тоже где-нибудь живет, она обязательно обо мне вспомнит и заберет при первой возможности. Она очень добрая, ласковая и очень сильно меня любит. Конечно, в душе я по-детски на нее злилась, но знала, что, как только она за мной придет, я прощу ей все на свете и прижмусь к ее груди. Но время шло, а мама по-прежнему за мной не приходила, и я вновь и вновь засматривалась на дорогие коляски и с завистью улыбалась чужим мамам. Воспитательница ругалась, чтобы я не вертелась по сторонам, и отвешивала мне подзатыльники. Я тихонько всхлипывала, сжимала кулаки и опускала глаза. По ночам, когда другие дети засыпали в полуразваленных кроватях, я поднимала голову и прислушивалась к каждому шороху. Как только до моих ушей доносились из коридора шаги, я вскакивала с кровати, приоткрывала дверь. Мне по-прежнему казалось, что это пришла моя мама. Она очень долго добиралась и поэтому смогла приехать только ночью. Быстро приглаживая волосы, чтобы, не дай бог, мамочка не увидела меня лохматой, я высовывала в коридор голову и... встречалась с ненавидящим взглядом воспитательницы. Она курила сигарету и пускала в мое лицо струйки едкого, невкусного дыма. Я громко каш-

ляла и терла заслезившиеся глаза. Через несколько секунд, получив очередной подзатыльник, я бежала к кровати и пряталась под одеялом. А однажды... Про это даже не хочется вспоминать...

Мне не хотелось вспоминать, но прошлое плотно взяло меня в тиски и никак не хотело отпускать. Однажды я узнала, что у детей бывает не только мама, но и папа. Ранним утром нас нарядили в праздничную одежду и построили в музыкальном зале. В зал вошел мужчина и стал оглядывать каждого с головы до ног. Воспитательница громко объявила о том, что этот мужчина хочет удочерить маленькую девочку и стать ей отцом. Мальчики его не интересуют. Поэтому мальчики должны сделать шаг вперед и отойти в противоположную сторону. Мужчина ходил вокруг нас, придирчиво разглядывал. Так повторилось несколько раз, а потом, остановившись рядом со мной, он спросил, как меня зовут, и протянул мне большую плитку шоколада. Я посмотрела на него благодарными глазами и моментально раскрыла шоколад. Затем поломала его на множество маленьких кусочков и поделилась с каждым из стоявших рядом детей. Остался всего один крохотный кусочек. Я поднесла его к носу, блаженно понюхала, посмотрела на свет и с нескрываемым удовольствием проглотила. Мужчина громко рассмеялся и подошел к воспитательнице. Они о чем-то говорили, показывая на меня. Я же рассматривала обертку от шоколада и чувствовала себя самой счастливой на свете. Мне было безумно приятно, что незнакомый дядя дал шоколад именно мне, а не кому-нибудь другому.

Вскоре мужчина уехал, а воспитательница добреньким голоском сказала, что мне повезло, потому что очень скоро у меня будет папа. Я спросила, а будет ли у меня мама. Воспитательница засмеялась, взяла меня за подбородок: «Милая, радуйся тому, что незнакомый дядя обратил на тебя внимание и хочет стать твоим отцом. Запомни, не во всех семьях бывают мамы и папы. Во множестве семей есть либо одна мама, либо один папа. Ты должна быть счастлива, что теперь у тебя будет папа. Если бы не этот дядя, сомневаюсь, что ты вообще кому-нибудь будешь нужна. В таком возрасте не усыновляют. Ты должна ползать на коленях и целовать ему ноги...» Через неделю мужчина приехал вновь и ласково сказал: «Ну что, малышка, поехали домой. Я познакомлю тебя с твоим братиком».

Услышав эти слова, я встала на колени и стала целовать мужчине ноги. Воспитательница громко засмеялась. Мужчина поднял меня с пола и тихо сказал: «Никогда так больше не делай. Я же твой отец». – «Я просто хотела вас отблагодарить», – чуть слышно сказала я и растерянно посмотрела на воспитательницу. Воспитательница, не переставая смеяться, покрутила пальцем у виска: «Дура ты малолетняя. Я же пошутила. Шпана недоразвитая».

Через несколько минут я уже сидела в машине со своим новоиспеченным отцом, ела конфеты и печенье, которые лежали на заднем сиденье автомобиля, а затем мы подъехали к шикарному дому, у порога которого меня ждал Роберт. Он взял меня за руку и дружелюбно сказал, что с этой минуты он будет моим братом и что его мама умерла два года назад. Я кивала и без остановки засовывала печенье в рот. В доме было целое море игрушек... Их было так много, что у меня разбежались глаза, я боялась к ним прикоснуться. Роберт показывал множество своих машинок, солдатиков, электронных игрушек. Я улыбалась, прижимала к себе пакет с печеньем и не переставала жевать. Роберт хотел было забрать его у меня, чтобы мы могли поиграть, заверил, что через несколько минут домработница позовет ужинать, но я вцепилась в пакет мертвой хваткой и кричала что было сил. Это была одна из детдомовских привычек, от которых мне постепенно пришлось отучаться. Роберт отпустил пакет и смотрел на меня перепуганным взглядом. Я забила в угол комнаты и продолжала засовывать в рот по несколько печений одновременно. В тот вечер мой новый папа вызвал врача, потому что у меня сильно разболелся живот. Врач прописал мне какие-то таблетки и строжайшую диету.

Вечером Роберт пришел ко мне, гладил меня по голове и все удивленно спрашивал: «Зачем ты так много ешь? Никто у тебя ничего не отберет. У нас всего много – и печенья, и тортов, и разных десертов. Домработница печет вкусные пирожки с абрикосами и черникой. Как только ты выздоровеешь, она обязательно их тебе сделает». В комнату вошел отец и положил рядом со мной красивую Барби. Я несколько раз поцеловала ее и стала гладить по волосам. «Спасибо, папа», – тихо сказала я, как можно сильнее прижимая Барби к себе. Отец сел рядом с Робертом, взял меня за руку. «Скоро у тебя будет много игрушек, нарядных платьев. Я буду одевать тебя как куклу. Ты будешь иметь все. Ты станешь самой красивой девочкой на свете, я выполню любую твою прихоть, любой твой каприз. Ты никогда не будешь знать отказа. Только и ты не обижай старика и тоже ни в чем ему не отказывай...» В тот момент я еще не знала, о чем он говорил, и радостно закивала...

Я посмотрела на себя в зеркало и вытерла слезы. Хватит предаваться воспоминаниям. Так можно просто сойти с ума. Во всем виноват Роберт. Приперся со своей будущей женой и нарушил мою размеренную жизнь. Но ничего. Я справлюсь с ним. Он последует туда же, куда последовал его отец. Никто не отберет то, что принадлежит мне по праву...

ГЛАВА 6

У вокзала я вышла из машины, огляделась. Мне всегда было беспокойно, если приходилось оставлять ее там, где много народу, – уж слишком вызывающий, дорогой автомобиль, а отец так и не поставил сигнализацию.

В зале ожидания я вдруг почувствовала, как больно защемило сердце. По всей вероятности, это просто нервы. Так много событий за такой короткий промежуток времени! Никакое сердце не выдержит. Я купила стакан холодного апельсинового сока и стала пить мелкими глотками, не переставая оглядываться по сторонам. Мне казалось, что кто-то за мной наблюдает, следит за каждым моим шагом. Господи, и какого же черта меня сюда принесло! Сидела бы дома, рисовала картины и не влезала ни в какие истории. Вспомнив о Викторе, я поняла, что медлить нельзя, в любой момент с ним может что-нибудь случиться.

Я спустилась к автоматическим камерам хранения и подошла к нужной кабинке. Неподалеку от меня стоял молоденький парень и пытался запихнуть в небольшую кабинку довольно увесистую сумку.

– Она не влезет, – сказала я.

– Что? – парень удивленно посмотрел на меня и опустил сумку на пол.

– Я говорю, что такая сумка не залезет в эту кабинку. Вы зря стараетесь, только время теряете. За билетными кассами есть обычные камеры хранения, лучше всего обратиться туда.

– Там дороже, – смущенно сказал парень и снова принялся запихивать свою сумку в ячейку. – Должна залезть, зараза, – пробурчал он себе под нос.

Неожиданно он оказался рядом с моей кабинкой.

– Может, в эту попробовать.

От растерянности я потеряла дар речи, но, увидев, как этот идиот стал пихать свою сумку в ту самую кабинку, которая предназначалась для того, чтобы я положила в нее деньги, взяла себя в руки и постаралась его оттолкнуть:

– Вы что себе позволяете?! Это моя кабинка! Немедленно отойдите! Идите откуда пришли!

– Ты ее что, купила? Вот когда ты ее выкупишь, тогда и командуй. Попробую запихать сюда, а та, по-моему, поломана.

– Они все одинаковые. Тут целая куча свободных кабинок. Почему вы прицепились именно к моей?! – Я чувствовала, что еще совсем немного, и у меня начнется самая настоящая истерика.

– Ну так и иди к другой, если их целая куча, – небрежно сказал парень и со всей силы стал запихивать свою сумку.

Мне показалось, что вот-вот он ее туда запихнет. Мне стало совсем плохо, потемнело в глазах. Я стала его оттаскивать. Парень покраснел до кончиков ушей, резко меня оттолкнул и злобно прошипел:

– Что тебе нужно, придурочная? Отвали! Сумка уже почти залезла.

Сжав кулаки, я дернула головой и зло крикнула:

– Ну, придурок, я тебе сейчас устрою!

Бросившись наверх, я добежала до первого попавшегося дежурного милиционера:

– Товарищ милиционер, там хулиган кабинки ломает!

Посмотрев на мое перепуганное лицо, милиционер не заставил себя долго уговаривать и последовал за мной. Как только мы спустились к автоматическим камерам хранения, я с ужасом увидела, что парень запихнул в кабинку уже большую часть своей сумки. Я бросилась на него с кулаками, бормоча:

– Вот сволочь, ну откуда ты свалился на мою голову... Немедленно вытаскивай свою сумку, или я сдам тебя в милицию!

Парень заметил милиционера и что есть сил надавил на сумку. Сумка вошла в кабинку на удивление быстро. Парень потер руки и посмотрел на меня довольным взглядом. Ничего не понимающий милиционер подошел к кабинке.

– Вы что кабинку ломаете? – строго спросил он.

– Ничего я не ломаю, просто поставил свою сумку.

– Но ведь она же у вас туда не влезала?

– Влезла, – улыбнулся парень и опять потер руки. – Куда б она делась.

Милиционер попросил молодого человека показать документы. Проверив, отдал их владельцу и тихо сказал мне:

– Девушка, вы успокойтесь, ничего страшного не произошло. Все в порядке. Человек просто положил сумку...

– Такие сумки нельзя класть в эти кабинки. Он же ее вытащить не сможет. Есть же обычные камеры хранения.

– Но ведь сумка вошла...

– Если бы вы только видели, как он ее туда запихивал! И вообще, это моя кабинка!

– Тут личных кабинок нет, – сурово сказал страж порядка, отдал честь и пошел наверх.

Что же делать? Надо попытаться уговорить этого парня. Я дружелюбно посмотрела на него и ласковым голосом заговорила:

– Понимаешь, мне эта кабинка позарез нужна. Будь другом, уступи ее мне.

– Не уступлю. Мало того, что ты на меня с кулаками кидалась, так еще и мента привела. Стукачка хренова. Отвали, я хочу код выставить, а при тебе выставить не буду.

– Послушай, хочешь, мы достанем твою сумку и отнесем в нормальную камеру хранения? Я за все заплачу и даже дам тебе денег на бутылку хорошего коньяка. Так сказать, плачу отступные.

– Ты что, богатая, что ли? – усмехнулся парень и оглядел меня с ног до головы.

– Нет. Просто у меня выхода нет. Мы с одним моим знакомым договорились, что именно в эту кабинку я должна положить свой пакет, а он придет и заберет его.

– А с чего ты взяла, что эта кабинка должна быть свободна? Не я, так кто-нибудь другой бы ее занял.

– Он обещал, что она будет свободна, – задумчиво сказала я.

– Тогда ты положи свой пакет в другую кабинку и запомни ее номер. Потом позвонишь ему по телефону и дашь другие координаты.

– Боюсь, что он больше не выйдет со мной на связь, – я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

Наверное, это как-то повлияло на парня. Он махнул рукой и растерянно пожал плечами:

– Ладно, твоя взяла. Только ты за все платишь и покупаешь мне коньяк.

– Конечно! – обрадовалась я.

Следующие полчаса мы, смахивая пот и переводя дыхание, поочередно пытались вытащить сумку из кабинки. Когда наконец нам это удалось, я радостно захлопала в ладоши:

– Понесли твою сумку наверх!

– Сначала ты положи свой пакет, а то, пока мы ходим, твою кабинку опять кто-нибудь займет.

Я посмотрела на пакет и перевела взгляд на парня. Видимо, парень понял мое замешательство и отвернулся.

– Можешь выставить код. Я не смотрю. Мне твой пакет и даром не нужен.

Я подумала, что последнюю фразу он сказал зря. Если бы он только знал, что в нем лежит... Выставив код, я оглядела кабинку любящим взглядом и глубоко вздохнула.

– Дело сделано. Можешь поворачиваться.

Поднявшись к обычной камере хранения, мы сдали его сумку. Я заплатила за ее упаковку и за хранение. Молодой человек бережно положил квитанцию себе в карман и подозрительно посмотрел на меня:

– Ну а как насчет коньяка?

– Как обещала, – улыбнулась я и повела его в сторону буфета. – Далеко едешь? – нехотя поинтересовалась я для того, чтобы хоть как-то нарушить нелепое молчание.

– В Хабаровск, к родителям.

– Далеко.

– Привык. Я к ним каждый год приезжаю. На самолете очень дорого, приходится трястись на поезде. Главное, чтобы нормальная компания попалась. С нормальной компанией и дни быстро летят.

У стойки буфета я сказала:

– Выбирай свой коньяк. Ты выбираешь, я плачу. Будешь угощать им свою компанию.

– Я же не знаю, какими деньгами ты располагаешь...

– Выбирай, что нравится. В пределах разумного, конечно.

Парень остановил свой взгляд на «Белом аисте» и решительно показал на него пальцем. Оплатив коньяк, я с гордостью протянула его своему новому знакомому:

– Держи. Ты даже не поверишь: сегодня ты спас жизнь одному человеку.

– Какому еще человеку?

– Это тебе не обязательно знать. Главное, что ты освободил эту чертову кабинку. Ну ладно. Было очень приятно познакомиться. Счастливого пути. В поезде со своей компанией обязательно вспомнишь обо мне, как только достанешь коньяк.

Парень повертел в руках бутылку и усмехнулся:

– Ты знаешь, сначала это знакомство показалось мне совсем неприятным, а теперь даже ничего. Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Женя.

– А меня Олег. Женька, а ты что такая незагорелая? Солнца, что ли, боишься?

– Боялась, а теперь я уже ничего не боюсь. Как только разгребу дела, обязательно пойду в солярий.

Олег посмотрел на меня каким-то печальным взглядом и грустно сказал:

– Ну ладно. Я пойду. Не буду тебя больше задерживать.

– Удачной дороги, – весело подмигнула я и зашагала к выходу.

Оглянувшись, я увидела, что Олег все так же грустно смотрит мне вслед, и махнула ему рукой. На улице я подняла голову и посмотрела на солнышко. Показалось, что оно тоже на меня смотрит и протягивает мне свои добрые, заботливые руки. К черту эту ночную жизнь! Никаких свечей! Никаких жалюзи! Мне больше некого бояться и не от кого прятаться. Как только мне удастся решить вопрос с Робертом, я обязательно поеду на пляж и развалюсь на раскаленном песке. Я буду радоваться как ребенок, радоваться до слез. И эти слезы будут понятны только мне одной, потому что никто не поверит, что я буду лежать под жгучим солнцем в первый раз в жизни. В первый раз... Теперь многое будет в первый раз...

Подойдя к стоянке, я резко остановилась и потеряла дар речи: рядом с отцовским лимузином крутились двое мальцов. Один ковырялся в замке, а другой посматривал по сторонам – не идет ли хозяин. Не успела я ничего сообразить, как оба уже были в машине. Очнувшись, я замахала руками и закричала так громко, насколько хватило моего голоса:

– Угоняют! Машину угоняют! Полиция!!!

Я услышала, что заработал двигатель, и в ту же секунду раздался страшный взрыв. Упав на землю, я обхватила голову руками. Гудело в ушах.

ГЛАВА 7

Мне не верилось, что я осталась жива. Мне вообще не верилось, что все это происходит в реальности. Вой милицейской сирены заставил меня поднять голову, и я с ужасом увидела то, что осталось от лимузина. Мощный взрыв изуродовал и несколько соседних машин. Я села на землю и громко зарыдала. Не знаю, сколько времени я так просидела, пока ко мне не подошел сотрудник милиции и помог встать. На месте взрыва собралось много народу. Люди в форме омоновцев взяли стоянку в плотное, непроходимое кольцо, отгоняли ротозеев на безопасное расстояние.

– Опять террористический акт! – судачили в толпе. – Как дальше жить, если взрывают прямо в центре города... Диверсия! – не унимался кто-то.

– Вокзал хотели взорвать!

– Вы хозяйка лимузина? – услышала я голос милиционера, который помог мне встать.

– Я шла к машине, а ее хотели угнать, – пробормотала я и с ужасом посмотрела на обгоревшие останки двух угонщиков.

– Вам повезло, на их месте могли быть вы.

У меня перехватило дыхание, хотелось кричать, забиться в истерику. На их месте могла быть я... Господи, а почему именно я?! Получается, что кто-то хотел меня убить... Но кто? Виктор? Нет, ему самому нужна помощь. Тот, кто его держит?

– Вам придется проехать в отделение, – сказал милиционер. – Эксперты уже принялись за работу. По всей вероятности, кто-то подложил взрывное устройство.

– Да, конечно, сейчас. Но... мне нужно в туалет. Мне очень плохо, – прошептала я и, пошатываясь, направилась в сторону вокзала. Перед глазамиплыли желтые круги, в ушах гудело, а сердце билось с такой бешеной скоростью, что мне казалось, еще немного, и оно просто выскочит из груди. Наверное, я была очень грязная, потому что черт знает сколько времени пролежала на асфальте. Спустившись в камеру хранения, я подошла к кабинке, куда еще совсем недавно положила пакет с долларами. Дрожащими руками набрала нужный код и открыла дверцу. Кабинка была пуста. Не поверив своим глазам, я сунула внутрь голову. Пусто. Получается, что в тот момент, когда взорвалась моя машина, кто-то забрал деньги. Крепко держась за перила, я стала медленно подниматься вверх. Я едва держалась на ногах.

Меня хотели убить те люди, которые держат Виктора, пронеслось у меня в голове. Пока я возилась с кабинкой, они положили в машину взрывное устройство. Но зачем? Кому нужна моя смерть? Опершись на перила, я присела на ступеньку и поняла, что дальше просто не могу идти. В этот момент кто-то обнял меня за плечи.

Это был тот же самый милиционер, который совсем недавно поднимал меня на месте взрыва.

– Девушка, ну куда вы исчезли? Я вас повсюду ищу. Вы как потерпевшая нужны для дачи показаний.

– Каких еще показаний?

– Вашу ведь машину взорвали! Придется обстоятельно побеседовать. Это же взрыв, а не детские игры. Пострадали соседние машины, погибли двое молоденьких парней. Будет вестись следствие.

– Мне плохо, – выдавила я и достала платок, чтобы промокнуть пот.

– Может, вам «Скорую» вызвать?

– Сейчас пройдет.

– Вам придется проехать с нами в отделение. Необходимо установить, с чем связан этот взрыв. Сожалею, но машина восстановлению не подлежит.

Следователь, который будет вести «мое дело», оказался ухоженным мужчиной средних лет, он непрерывно курил и сверлил меня пристальным взглядом. Узнав, что я дочь одного из самых известных адвокатов в городе, он выронил сигарету и как-то растерянно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.